

Лев Пучков
Испытание киллера
Серия «Киллер», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119823
Испытание киллера: Эксмо; М.: 2002
ISBN 5-699-00930-2*

Аннотация

Его называют Натуралистом. Он не ловит бабочек, он убивает людей. Высококласный киллер. Он виртуозно расправляется с жертвой, не оставляя никаких следов. Никто даже не понимает, что произошло убийство. Простая, естественная смерть, например, от сердечного приступа. А в промежутках между убийствами утехы секса. Но и у него, неуловимого киллера, порой возникают неразрешимые проблемы. Вот как эта. Ему поручили устранить человека, которого до него пытались убрать аж двенадцать раз, и все без результата...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	45
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лев Пучков

Испытание киллера

Часть I

Глава 1

Судя по информации, содержащейся в исходных данных, этот дядечка наделен чрезвычайно высоким коэффициентом живучести. Знаете, есть такие, о которых говорят: «В огне не горит и в воде не тонет», – это как раз тот случай.

За время активного функционирования в области околोकриминального бизнеса (а это что-то около четырех лет) его пытались завалить в общей сложности раз двенадцать; это лишь те данные, которые удалось зарегистрировать аналитикам ПРОФСОЮЗА.

Может быть, это какой-нибудь новоявленный Бэтмен новотопчинского разлива или прапраправнук Николы-чудотворца? Судите сами: четыре раза по нему работали снайперы – безрезультатно. Дважды нерадивые саперы рвали его авто. Ухайдакали двух водил и четырех телохранителей – КПД нуль. В первом случае клиент отделался легким сотрясением мозга и множественными мелкими ушибами, во втором вообще до машины не дошел – ни единой царапины!

Разок его пытались травить цианидом – промыл, сволота, желудок, и ни в одном глазу. Какие-то лихие автоматчики три раза делали из его машины решето. Итог весьма неутешительный: всего-навсего сквозное ранение плеча. А один раз вообще влупили по особняку сразу из четырех «стингеров» (где они их достали, ума не приложу!). Видимо, это был жест отчаяния, не иначе. Дядечка в этот момент как раз спустился в подвал сгонять партейку-другую в бильярд со своим приятелем. После взрыва он только известку из волос вытряхнул. Зенитчики домоделанные вынуждены были убираться несолоно хлебавши, под ураганным огнем тех охранников, что остались в живых. Одного оператора «стингера» в тот раз уложили наповал, однако это последствий не имело. Привязать труп стингерщика к кому-либо из недругов дядечки не получилось.

Вот такого рода информашка содержалась в исходных данных. Я с трудом могу предположить, какие конкретно товарищи желали дядечке смерти и что за умельцы пытались осуществить их замыслы. Но одно могу сказать точно: к ПРОФСОЮЗУ они не имеют никакого отношения.

Почему я в этом уверен? Извольте. Во-первых: у нас таких не держат. Все, кто работает на эту организацию, не могут позволить себе роскошь провалить акцию и не довести дело до конца. ПРОФСОЮЗ за такие штуки жестоко наказывает исполнителя: либо смерть, либо кое-что хуже, чем смерть.

Некоторые криво ухмыльнутся: что бывает хуже смерти? Бывает, бывает, не сомневайтесь! Я считаю, что лучше умереть, чем сидеть в инвалидной коляске со сломанным в двух местах позвоночником и 24 часа в сутки любоваться качественной видеозаписью похождениям своей несовершеннолетней дочери в каком-нибудь пакистанском публичном доме предпоследнего разряда. Или еще что-нибудь в том же духе, но круче и заковыристее: ребята из Управления ПРОФСОЮЗА такие выдумщики, такие изобретатели!

Во-вторых: наша контора не желает, чтобы дядечка помер явно выраженной насильственной смертью. Иначе бы к нему послали парней убойной квалификации: снайперов, бойцов или саперов. Напротив, ПРОФСОЮЗУ нужно, чтобы дядечка почил естественной

смертью. Но естественной смертью – ежели дело и далее так пойдет – дядечка помрет лет этак через тридцать-сорок. Уж больно живуч, скотобаза! А надо, чтобы он заплел лапы в экстренном порядке. Поэтому к дядечке послали Натуралиста.

Натуралист – это я. Прошу любить и жаловать. Только не надо думать, будто я препарирую лягушек тупым кухонным ножом и гоняюсь с драным сачком за бабочками по загаженным лужайкам пригородной зоны. Нет-нет – такими вещами мне заниматься недосуг.

Я убийца. Такой же мерзкий киллер, как и любой из бойцов, снайперов, саперов, вкалывающих на ПРОФСОЮЗ. Только в отличие от этих товарищей, которые могут изгаляться над своими жертвами как им заблагорассудится, я обязан работать иначе.

Смерть моего клиента должна выглядеть естественной. Случайной. Натуральной. Отсюда и наименование категории: натуралист...

Недовольно поморщившись, я посмотрел на часы и перевел взгляд на неровную ленту шоссе, петляющую зигзагами меж холмов пригорода. Асфальтный зной, поднимавшийся над дорогой причудливыми прозрачными клубами, по мере удаления шоссе в сторону горизонта загустевал и превращался в синее сказочное марево, создавая ощущение нереальности происходящего.

Хотелось сидеть вот так часами, расслабившись в томной неге, и любоваться видом, открывающимся с холма. Работать не хотелось совсем. Эх, черт! Как же мне все это не нравится!

Я привык работать по сложившейся системе: получил исходные данные, определился со сроком исполнения, выдвинулся на место и разрабатывай объект как душа пожелает. Следи, изучай, собирай информацию, входи в контакт при необходимости, пока не сочинишь клиенту вполне приемлемую и симпатичную естественную кончину. Полная свобода творческой фантазии при условии строгой ответственности за результат.

В данном же случае все вышло совсем по-другому. Раненько утром меня разбудил звонок Диспетчера ПРОФСОЮЗА, который злорадным голосом (а может, показалось спросонок) сообщил, что есть работенка, – исходные данные в почтовом ящике.

Раздраженно выразившись в коротко загудевшую трубку, я вышел во двор, забрал из ящика светонепроницаемый конверт и уединился в летней кухне. Спустя минуту уже недовольно хмыкал, читая убогий компьютерный текст, размещившийся на трех листах.

– У них там че – квартальный план горит?! – недовольно пробурчал я, перечитывая текст вторично и шаря на ощупь по подоконнику в поисках спичек. – Ну дают, деятели!

Прочитав исчезающий на глазах текст в третий раз, я на всякий случай сжег листки и задумался.

ПРОФСОЮЗ настаивал, чтобы я в течение часа с момента получения исходных данных убил на рекогносцировку в район расположения 127-го шоссе, по которому от 16.00 до 17.00 будет проезжать клиент. Некто Роман Петрович Снегов. Именно с этого шоссе и именно в это время с 16.00 до 17.00 я должен скинуть товарища Снегова любым приглянувшимся мне способом. В общем, как хочу, так и скидываю. Единственно: все должно выглядеть совершенно случайно и совершенно естественно и... «желательно», чтобы товарищ Снегов в конечном итоге расшибся насмерть.

Ну, насчет естественно и случайно – понятно. Все как обычно. А вот что значит «желательно»? Это что ж: ПРОФСОЮЗ предполагает, что акция может и не получиться? Вот так новости!

Вернувшись в дом, я быстренько накрутил промежуточный контактный телефон и сердито истребовал Диспетчера. Выслушав все вопросы, Диспетчер терпеливо попенял мне за туподумство и подтвердил: все указано верно. Клиент имеет обыкновение перемещаться на «Мерседесе-600», который располагает недурственной системой защиты пассажиров. Так что не исключен вариант, что на сто процентов объем работ выполнить не удастся. И вообще

– я что, забыл, что контактным телефоном можно пользоваться только в экстренном случае? Нечего дурацкие вопросы задавать – работать надо! Время идет...

Я еще раз посмотрел на часы: стрелки на циферблате «Ролекса» фиксировали 16 часов 12 минут. Пожалуй, пора приступать к непрерывному визуальному контролю за дальними подступами.

Вытащив из «бардачка» подзорную трубу – неременный аксессуар всех моих акций во благо ПРОФСОЮЗА, – я настроил ее на максимальную дальность и принялся наблюдать за северо-западной оконечностью шоссе. К месту будущего происшествия спускаться было пока рановато. Разумеется, было бы неплохо все приготовить заранее, не спеша, с чувством, толком, расстановкой. По шоссе через каждые полминуты в обе стороны проносятся транспорт, и перерыва в систематическом движении не предвидится. А транспортом этим зачастую управляют весьма любопытные мужики, каждый второй из которых не поленится притормозить, чтобы в деталях ознакомиться с довольно необычным явлением, заготовленным мною для клиента.

Учитывая это обстоятельство, я на данном этапе сделал лишь то, что ни у кого любопытства не вызывает: у правой обочины воткнул в землю полутораметровый ивовый прут, а посреди мертвой клумбы, разделяющей встречные полосы, вбил проволочную скобку. И, загнав свою «Ниву» на холм у дороги, принялся ожидать появления клиента. От момента, когда я окончательно идентифицирую визуальные параметры клиента с реквизитами, указанными в исходных данных, до приближения его автомобиля к месту совершения акции пройдет что-то около четырех-пяти минут. За это время я успею сделать то, что необходимо, даже если буду перемещаться пешком.

На всем протяжении шоссе от Вознесеновки до городских окраин нет более симпатичного поворота, чем этот. Товарищ, который планировал шоссе, наверняка предполагал, что в один прекрасный денек кому-то понадобится скинуть кого-то именно в этом месте.

Судите сами: шоссе ныряет в пологую ложбину между холмами и плавно поворачивает влево. В самом начале поворота, метрах в четырех от правой обочины, начинается могучий овраг, примыкающий к дороге на протяжении километра. Ограждение? Ну, разумеется, вот оно: полосатая рельса на стойках тянется в метре от обочины и выглядит вполне надежно. Только ограждение моему делу не помеха. Расчеты показывают, что при правильном подборе материала и точном сопоставлении успех гарантирован на двести процентов. Аксессуары на месте: в багажнике и на заднем сиденье. Можно смело утверждать, что все в ажуре: акция почти завершилась (тьфу, тьфу, тьфу! – через левое плечо).

– Все тип-топ, Бакланов, все в норме, – пробормотал я, успокаивая себя. – Беспокоиться нечего – нет причин.

Беспокойство, однако, от этого не исчезло. Смутное недовольство, возникшее с утра по прочтении исходных данных, окрепло и сформировалось в полновесную безотчетную тревогу, которая стальной занозой впиалась в сердце и не желала самоуничтожаться.

Мое шестое чувство, периодически просыпающееся где-то внутри в самые неожиданные моменты, настойчиво кричало: «Что-то не так!!! Тормози, Бакланов!!!» Только куда уж тормозить! Механизм запущен, все идет вроде бы и без моего участия, само собой. Я винтик. Маленькая деталь хорошо отлаженной машины уничтожения...

С северо-запада, где шоссе вытягивается в тонкую ниточку, показался «Мерседес-600». Вздвигнув, я натужно сглотнул и сильнее вдавил окуляр под бровь. Ну-ка, ну-ка... Спустя полминуты мне удалось рассмотреть номер машины и контуры лица мужика, сидевшего рядом с водителем. Это был товарищ Снегов.

– Ну, здравствуй, мой хороший, – пробормотал я, поворачивая ключ в замке зажигания. – Не забудь всем близким приветы. – И начал медленно спускаться с холма по заросшей густой травой грунтовке.

Уже выбравшись на шоссе, я вдруг обнаружил, что голова моя совсем не очистилась от мрачных раздумий. Напротив, смятение обуревало меня все сильнее и сильнее. А между тем до начала активных действий оставалось около трех-четырех минут. В этой жизни я много раз ходил рядом со Смертью и прекрасно знаю: если ты не сумел выбросить из головы все лишнее, лучше на операцию не идти! В противном случае ты либо кандидат в покойники, либо обгадишь дело на все сто процентов. Будучи молодым лейтенантом, я дважды негласно отстранялся от участия в операциях: оба раза ротный (дай бог ему здоровья!) точно улавливал, что я пребываю в сумеречном состоянии.

Сейчас, однако, иная ситуация. Провал акции неизбежно влечет за собой жестокое наказание (см. выше). А потому остается единственный выход: за две минуты поднапрячься и привести себя в состояние полного душевного равновесия.

Ритмично дыша по системе, я, как рекомендует Карнеги, принялся лихорадочно расчленять свою тревогу на составляющие, чтобы потом, по отдельности, их было легче проигнорировать к чертовой матери.

Так-так, что там у нас? Срок и навязывание способа ликвидации? Ну, это можно смело проигнорировать. Не надо забывать, что в ПРОФСОЮЗЕ трудятся обычные люди. С присущими им слабостями и недостатками. Кто-то что-то забыл, кто-то где-то напутал, и вот – нате вам! Аврал! Как в обычной организации. Это даже радует: не монстры рулят ПРОФСОЮЗОМ, простые ребята из плоти и крови. Хорошо! Но ведь ранее таких авралов не случалось? Ну, не случалось. А сейчас вот случилось. И все, хватит об этом! Минус один фрагмент, потопали далее.

Далее: личность жертвы и район выполнения заказа. Хм... Да, это требует вдумчивого анализа. Все предыдущие акции я разрабатывал и осуществлял вне региона, в котором имею честь проживать. Для удобства перемещения и безболезненного выпадения из обычной жизни ПРОФСОЮЗ снабдил меня симпатичной «Нивой» в прекрасном техническом состоянии и не менее симпатичным алиби.

«Ниву» я по официальной версии вроде бы выиграл в карты при смутно прослеживающихся обстоятельствах (мой патрон, кстати, весьма заинтересовался этим фактом, так что пришлось, что называется, по ходу действия «лепить отмазки» и беспокоить Диспетчера по экстренному телефону). А для того чтобы не создавать в каждом конкретном случае одно-разовое алиби, профсоюзные мыслители соорудили мне качественную легенду на все случаи жизни. В один прекрасный день у меня внезапно «прорезался» дар живописца, доселе крепко спавший где-то в глубине подсознания.

Вначале мои близкие немало удивлялись такому чуду, но вскоре все привыкли – люди ко всему привыкают. По истечении некоторого времени уже никого не удивляло, что я за счет выходных мог попросить недельку отгулов и умотать куда-нибудь к черту на кулички: впитывать в себя неповторимые образы живой природы. По окончании акции в условленном месте я изымал холст с недурственно выполненным пейзажем, в котором явственно чувствовалась рука мастера. Прибыв на хаус, я вставлял холст в раму и полуторадюймовым гвоздем прибивал картинку к стене в кабинете отца, где валялись пустые рамы, холсты, кисти, краски и прочая дребедень, создававшая иллюзию творческого беспорядка.

Алиби было на все сто. Никто почему-то не усомнился, что я художник настоящий. Шеф мой всячески потворствовал этому увлечению – я бы даже сказал, гордился моей творческой устремленностью, столь необычно посетившей меня уже в зрелом возрасте. Знал бы он, что за этим кроется!

Итак, сегодня я впервые выполнял акцию вблизи родного Новотопчинска. И совсем без легенды, поскольку сегодня был выходной – я мог шляться без присмотра где душа пожелает. Очень, очень странно. Если же приплюсовать к этому обстоятельству особенности личности клиента, возникал весомый повод для вдумчивых размышлений на тему: «К чему бы это?»

Господин Снегов, которого я лично не знал, но много о нем слышал, «держал» в области деревообрабатывающую промышленность во всех ее проявлениях и вполне справедливо был обзываем за глаза всеми, кто с ним соприкасался, «Папа Карло».

Помимо «папокарловской» деятельности, Снегов имел касательство к целому ряду направлений в криминальном бизнесе и дружил со многими солидными товарищами как из областной администрации, так и из новотопчинской братвы. Более того, старший сын Снегова являлся бригадиром бандитской группировки Кировского района, а младший пока тихо-мирно учился на юрфаке Новотопчинского университета.

Но не это главное. Снегов вот уже три года был одним из основных конкурентов моего патрона в сопредельной области бизнеса и наиболее явным претендентом на роль теневого хозяина области в случае, если бы с Доном вдруг что-то случилось (тьфу, тьфу, тьфу! – через левое плечо).

Нет-нет, своим существованием Снегов не угрожал безопасности Дона. Слишком неравное у них было положение: за последние два года мой патрон здорово поднялся и вылез далеко за рамки «папокарловского» разряда. Но Снегов имел на плечах уникальное мыслительное приспособление, и Дон сам признавал это.

– Если бы вдруг меня не стало, нашу фирму, да и область тоже, запросто мог бы прибрать к рукам Роман Петрович, – как-то в раздумье признался он мне. – Три-четыре заказа, один-два наезда – и привет...

Патрон мой просто так не болтает. Каждое его слово – капитал. Положение обязывает. Значит, Снегов еще тот фрукт.

Если рассматривать ликвидацию Снегова или же его долговременное изъятие из оборота именно в этом аспекте, невольно в голову лезут лишние вопросы. Или Роман Петрович насолил ПРОФСОЮЗУ в индивидуальном порядке, что, как мне кажется, маловероятно, или... или же ПРОФСОЮЗ желает таким вот странным образом упрочить положение моего патрона и произвести перераспределение сил в деловом мире Новотопчинска.

К чему бы это? Так-так, стоп! Надо же расчленять и игнорировать! Ага. А ну его в кузов, этого Снегова и район выполнения! Я под рукой, удобно. А личность клиента... ну, чего бы там ПРОФСОЮЗ ни замыслил, он работает в данный момент во благо моего шефа. Значит, это для меня вполне приемлемо. Необычно? Да черт с ним! Сказано: аврал. И нечего тут мудрствовать.

Вот и второй фрагментик проигнорировали – основной, хочу заметить, фрагментик. Поехали далее – времени немного осталось.

Последнее, что меня гложет, – нулевой вариант. В исходных данных каждого задания, в самом начале, профсоюзные операторы ставят номер варианта. До сего момента на листках с самоликвидирующимся шрифтом, которые я получал перед каждой акцией, стояло: «ВАР. № 1». Это значит, что клиента нужно аккуратно устранить в индивидуальном порядке, категорически избегая лишних жертв.

На титульном листке исходных данных на Снегова я с удивлением обнаружил: «ВАР. № 0». Значит, я имел право мочить всех, кто хоть чем-то являл собой опасность для выполнения задачи. Разумеется, я не собирался убивать кого-то лишнего и, поухмылявшись странностям этой акции, тут же забыл об этом. Однако уже через два с половиной часа я был вынужден воспользоваться условиями нулевого варианта.

Помимо спиннинга с пятидесятиметровой катушкой и полкуба керамзита, которые я раздобыл без особого труда, мне была нужна резиновая баба. Нет-нет, вовсе не для того, о чем некоторые из вас подумали, извращенцы этикие! Хотя в принципе это мое личное дело: кто как хочет, так и точит. Ну, естественно, в Новотопчинске приобретать сие изделие я поопасался, а потому, прошвырнувшись по районам, обнаружил в захолустном поселке с

идиотским названием захудалый секс-шоп. И с ходу купил там первую подвернувшуюся под руку резиновую бабу.

В маленьком магазинчике, помимо меня, присутствовала еще одна клиентка: беззубая старушенция, которая копалась в куче презервативов разнообразной конфигурации и расцветки.

Продавец – рыхлый дядечка под пятьдесят с глумливой рожей – начал похабно шутить по поводу моего приобретения и напористо интересоваться, каким образом я собираюсь пользоваться этой дурацкой резиновой бабой.

К счастью, старушенция оказалась туговата на ухо: проигнорировав шутки рыхлого, она выудила из кучи гигантский отечественный кондом с головой крокодила Гены и, заявив, что внуку будет славненький шарик на день рождения, удалилась.

– А ты че из города сюда приперся? – поинтересовался рыхлый дядя, когда я уже было направился к выходу. – Че у вас там – нету резиновых баб, что ли?

Я притормозил и бросил через плечо:

– Почем знаешь, что я из города? Может, я из Вознесеновки?

– Из города, из города! – уверенно протараторил рыхлый. – На хера из Вознесеновки переться через весь город к нам, чтобы купить резиновую бабу? Ее можно и в городе купить! А раз к нам приперся, видать, чего-то тебе не хочется, чтобы про бабу кто-то знал! Скрываешь ты про бабу. Гы-гы! А?

– Ну уж, скажешь тоже, – неуверенно попытался возразить я, – просто вот ехал мимо – дай, думаю, загляну...

– И машина у тебя сухая! – не дал мне досказать рыхлый, победно сверкая глазами. – А в Вознесеновке с утра накрапывает – чай знаем! А?! – рыхлый довольно прищурился и шмыгнул носом.

Н-н-н-да... Шерлок Холмс херов. А мог бы жить да жить. Поразмыслив с десяток секунд, я зыркнул через стеклянную дверь, зафиксировал отсутствие нежелательных свидетелей и вернулся к прилавку.

– Мне очень жаль, толстый, – сожалеюще произнес я, пристально глядя в глаза продавца. – Но ты слишком много внимания уделил моей скромной персоне. Заметил меня, запомнил мою машину. И самое главное – ты верно подметил, что мне нужно скрывать эту дурацкую резину...

Рыхлый бочком-бочком вдоль прилавка засеменил к выходу. Я медленно перемещался параллельно с ним. Округлив глаза, рыхлый испуганно вскрикнул:

– Да ты че, паря! Да это я так... шуткую я!

Выбравшись из-за прилавка, рыхлый набрал полную грудь воздуха, чтобы метнуться к двери и заорать что было силы. Я по-кошачьи прыгнул к нему и коротко двинул кулаком в живот. Утробно ойкнув, рыхлый с шумом выпустил воздух и широко разинул рот, чтобы сделать вдох. В этот момент я рубанул его ребром ладони в область левого предсердия. Мягким кулем рухнув на пол, рыхлый несколько раз дрыгнул ногами и затих.

– Извини, толстый, – прошептал я, щупая пульс на его шее. – Очень уж ты внимательный...

Пульс отсутствовал. Еще раз осмотрев через стеклянную дверь подступы к магазину, я забрал свое приобретение и выбрался на улицу. Спустя три минуты моя «Нива» пылила прочь от этого захолустного поселка, так некстати приютившего на одной из своих кривых улочек маленький и никому здесь не нужный секс-шоп...

Тяжко вздохнув, я посмотрел на часы. Через пару минут «мерс» товарища Снегова вынырнет из очередной ложбинки в двухстах метрах от поворота. Надо работать.

Подкатив машину к торчавшему рядом с правой обочиной прутуку, я полюбовался на панораму могучего оврага. Неплохо, очень неплохо... Жаль, мусора нет внизу – какие-то

энтузиасты поубирали все, травку по склону граблями расчесали. Если вдруг что, какого-нибудь дотошного «дознателя» из братвы может заинтересовать растерзанная резиновая баба. Однако что-либо менять уже поздно. Время «Ч» неотвратно приближается.

Надув бабу, я пропустил промчавшуюся мимо «Тойоту», отметив краем глаза, как ее слегка бросило вправо на повороте.

– Вот-вот, и я про то же, – пробормотал я, удовлетворенно хмыкнув, и быстро привязал бабу к пруту, вытравив через левое окно машины восьмиметровый отрезок лески.

– Можно, Снегов, – тихо прошептал я, глядя в зеркало заднего вида. Из соседней ложбины на холм выскочил «Мерседес-600».

Осторожно тронув машину с места, я начал понемногу набирать скорость, косясь в зеркало на стремительно приближающееся чудо немецкого автомобильного гения.

Катушка спиннинга мелодично потрескивала, раскручиваясь по мере движения все быстрее. Краем глаза я отметил, что моя резиновая баба, томно приторчавшая у прута, с такого расстояния выглядит совсем как настоящая. Этакая голенькая длинноножка с упругой попой и стоячими грудями, каким-то чудом вдруг возникшая на обочине. Воплощение эротических мечтаний дальнобойщика.

Выражения глаз сидящих в «мерсе» мужиков я видеть не мог, но мог отдать фрагмент своей задницы на отсечение, что в этот момент они все пялятся на мою красючку. Не может нормальный мужик спокойно проехать мимо столь завлекательного зрелища.

Когда между моей «Нивой» и «мерсом» осталось около 70 метров, я рванул веревку, удерживающую багажник в закрытом положении, и даванул на газ. Полкуба керамзита разлетелась по шоссе, прыгая, как шарики от пинг-понга.

Вращение катушки спиннинга прекратилось. Щелк! – тенькнул пружинный стопор.

Голая красотка стремительно прыгнула под колеса поравнявшегося с ней «Мерседеса-600». Резанул по ушам отчаянный скрип тормозов. От рывка булинь развязался, и леска свободно помчалась вслед за моей набирающей скорость машиной...

Что сказать? Спросите у любого автомобилиста, что будет с машиной, движущейся со скоростью 90 километров, водитель которой резко тормозит на повороте. Не забудьте при этом, что метров на тридцать по ходу торможения шоссе сплошь покрыто керамзитными катышками...

Глава 2

Дома меня ожидал сюрприз. Прокрутив по возвращении автоответчик, я обнаружил, что звонила Оксана и эротическим голосом обещала явиться ближе к вечеру – поработать с Милкой. А если я этого хочу, есть вполне реальная перспектива заполучить ее на ночь. На всю ночь! Во!

Метнувшись в комнату к Милке, я отметил, что ее состояние вполне удовлетворительное, отпустил няньку и, быстро накрутив номер «Курьера», наказывал кучу всяких прибамбасов для торжественного ужина.

Хочу ли я, чтобы Оксана осталась на ночь?! О чем речь, черт ее задери! Я всегда этого хочу. Я хочу ее утром, я хочу ее днем, и в любое время суток я хочу ее втроем!!! Вернее – за троих. Оксана – это чудо двадцатого века. 65 кг похоти и вожделения, вулкан эмоций, океан страстей, море капризов, блистательный ум и полная непредсказуемость. Короче, секс ходячий с мозгами Геродота и замашками Клеопатры.

Сказать, что я ее просто люблю, значит, не сказать ничего. Милку, например, я просто люблю и верю, что она – моя половинка. А Оксана – это... это... Ну, представьте себе, что после минутного знакомства вы моментально вкусили с дамой все прелести неопишуемой страсти, каковой ранее не знали никогда в жизни! И в процессе этого самого от восторга чуть было не дали дуба – так вам было хорошо. А поскольку вы неслабый аналитик и изрядно разбираетесь в сфере проявления человеческих эмоций, вы в процессе этого самого сумели зафиксировать, что дама испытывает примерно те же чувства. И так – пять раз подряд в течение трех часов. Каково?

А потом в течение недели дама обращается с вами, как с малоперспективным коллегой по работе, на любые намеки реагирует с презрительным высокомерием и всюду флиртует с посторонними особями мужского пола. А когда вы пытаетесь выяснить отношения, эта фурия снисходительно и насмешливо, будто младшему брату-дегенерату (Оксана старше меня на четыре года), втолковывает: та ночь, детка, ни к чему не обязывает, вы самостоятельные субъекты и так далее. И рассчитывать на ее благосклонность вы можете лишь в том случае, если будете себя примерно вести. А дня через два или три – когда ей удобно – как ни в чем не бывало звонит и сообщает эротическим голосом, что сегодня вечером готова уделить вам часок-другой. С перспективой остаться на ночь – ежели будете пайнкой. Представляете?!

И таким вот образом – на протяжении шести месяцев. Я, к стыду своему, должен признаться, что пребываю в рабстве у этой фурии. Она меня частенько нервирует и доводит до полуистерического состояния (товарищ с менее тренированной психикой уже давненько бы завернул ласты от инфаркта). Иногда я готов разорвать ее на части – знаю точно, что она периодически, под настроение, дарит свою чувственность тем, кто, с ее точки зрения, этого заслуживает.

Несколько раз (какой позор!) я под горячую руку убивал ее и порывался окончательно прекратить наши отношения. Но Оксана очень тонко чувствует такие моменты и всегда своевременно принимает меры, чтобы держать меня на коротком поводке. И это ей вполне удается. Не знаю, каким секретом обладает эта куртизанка, эта гейша, эта... эта... однако, когда она оказывается со мной наедине, я в буквальном смысле слова теряю рассудок. Перед глазами плывут причудливые колонны фаллической формы, ее черные трусики, просвечивающие сквозь тонкий шелк юбки, становятся вдруг центром мироздания, и вообще, у меня даже язык деревенеет – до того я хочу ею обладать.

В общем, эта женщина – неотъемлемая часть моей жизни. Она помыкает мной и удовлетворяет свои амбиции за счет моей феноменальной влюбленности в нее. Она имеет надо мною необъятную власть.

Если вникнуть в симптомокомплекс этого нездорового явления несколько глубже, помимо внешних данных поработорительницы, можно обнаружить еще одно обстоятельство, на мой взгляд, играющее решающую роль в наших отношениях.

Оксана – психотерапевт высочайшей категории. Более того, она одна из немногих в нашей стране имеет диплом психоаналитика мирового стандарта. Пять лет стажа в лучшей европейской клинике – это вам не в вагоне с металлоломом сало жрать!

В общем – сволочь. Когда-нибудь я ее приблю – по своей инициативе, вне профсоюзной разнарядки. Потому что, как мне кажется, такие муки в течение хоть сколько-нибудь продолжительного периода не в состоянии вынести ни один нормальный мужик. Хотя, по большому счету, я сам оказался инициатором наших отношений. Мог бы и не влезать – все, вполне возможно, получилось бы совсем иначе.

Познакомились мы около полугода назад. Стояла ранняя весна, отягощенная всеми приличествующими этой поре аксессуарами: надсадным завыванием котов, зазывным свертыванием глаз подавляющего большинства юного женопоголовья, которое разом повыпрастывалось из зимних шкур, и витающим в воздухе фимиамом всеобщего вожделения, способным свести с ума даже надышавшегося за день чернилами бухгалтера-перестарка.

Мучимый каким-то невнятным томлением, я вечером шлялся по улицам Центрального района и мимоходом завернул в хороший кабак для «новых», который славился потрясающей заливной осетриной и неподдельным французским вином. В красноватом полумраке просторного сводчатого зала господствовали запахи хорошей кухни, которые органично сочетались с ненавязчивым звучанием музыки Скрябина. Наверно, это сочетание здорово импонировало «новым» и центральной братве, которая любила пастись в этом кабаке, – это ставило их на уровень интеллигентных снобов старой закваски, каковыми они на самом деле не являлись и от того слегка комплексовали перед лицом интеллигенции настоящей.

Оксана была там с каким-то здоровенным бородатым дядькой – их столик располагался метрах в шести от моего. Дядьку этого я уже где-то имел удовольствие лицезреть, причем неоднократно, но лично с ним знаком не был: если бы вдруг мне втемяшилось переизнакомиться со всеми деловыми партнерами моего патрона или просто с его приятелями, я вынужден был бы минимум на неделю все бросить к чертовой матери и с утра до вечера торчать в приемной головного офиса, представляясь всем подряд и всех запоминая.

Бородастик уже изрядно поддал и что-то едко выговаривал своей спутнице, махая у нее перед носом мясистой пятерней и периодически тыкая пальцем куда-то в зал. Я проследил за движением пальца: в том направлении, у стены, сидели за столиком трое бандитов из группировки Центрального района (я пару раз видел их, когда ездил по делам с нашим вице к Феликсу) и, позабыв о еде, пялились на Оксану. А пялиться было на что. Ко всему прочему, эта фурия от выпитого вина раскраснелась, похорошела до неприличия – я бы сказал, распустилась, как календула под лучами солнца. Она выглядела до того соблазнительно, что не пожелать ее в тот момент мог только явно выраженный педофил или законченный дегенерат с катастрофическим недостатком половых гормонов. Типа того бородача, что сидел с ней за столиком и махал перед прекрасным ликом потной дланью. Несколько позже, кстати, я прекрасно понял, почему бородач так вел себя, – когда сам побывал в его шкуре. Но в тот момент, увы, я еще ничего не знал, а потому завороченно смотрел на это секс-чудо и думал только об одном: как было бы здорово заполучить хоть на пять минут сей комплекс эротических ухищрений.

В самом разгаре вещания своего спутника Оксана вдруг вскочила и, приблизившись к бандитам, с кошачьей грацией запрыгнула на их столик.

Зал замер. Была отчетливо слышна каждая нотка выдаваемой стереоколонками музыки. Распинав со стола посуду, красотка артистично станцевала нечто среднее между канканом и ламбадой, высоко вскидывая ноги. Затем она спрыгнула на колени одного из бандитов, обняла его за шею одной рукой и, тыча пальцем в сторону своего бородача, задорно крикнула:

– Мужчины! Скажите же наконец этому зануде, что я просто цаца! Что я – настоящее сокровище и он понятия не имеет, чем обладает!

Зал дружно зааплодировал, и обычный шум возобновился: ситуация не из ряда вон, всего-то лишь экстравагантная шутка подвыпившей соблазняшки. Победно вскинув кулачок, Оксана встала и, поклонившись троице, направилась было к своему спутнику, который угрюмо мял подбородок.

Однако не тут-то было! Я не даю гарантии, что после ее перепляса на столе с демонстрацией шелковых черных трусиков, вызывающе просвечивающих сквозь паутину колготок, нормальные мужики повели бы себя адекватно, а здесь... Здесь были поддатые «быки», что называется, без тормозов, которые привыкли властвовать в этом районе, в этом кабаке и делать все, что душа пожелает.

Они вскочили, как по команде, сноровисто ухватили Оксану за руки, за ноги и шустро потащили к выходу, возбужденно сопя и сверкая глазенками.

Зал вторично замер: такие штуковины здесь случались нечасто. Люди сюда приходили солидные, желая хорошо поесть и расслабиться, а не гудеть ночь напролет с боем посуды и метанием стульев в голову соседей.

Сообразив, что угодила в передрагу, Оксана истошно завизжала. Бородатый парниша – ее спутник – вскочил и бросился наперерез бандитам. Тот «бык», что двигался спереди, с размаху пнул его в пах: бородач с криком рухнул на колени, скрючился кренделем и стал елозить ногами по паркету. Двое секьюрити у входа деликатно исчезли за портьерами – не пожелали постоять за честь заведения.

Я неоднократно давал себе слово не вмешиваться в аналогичные переделки, поскольку знаю по горькому опыту, что ничего хорошего из этого не выходит. Этот самый опыт однозначно диктует: защити себя и того, кто тебе близок, остальное тебе должно быть глубоко по тулумбасу. Не лезь не в свое дело.

В тот раз я опустил было глаза, спрятал кулаки и начал дышать по системе, отсчитывая ступени вниз, к точке нулевого спокойствия. Раз, два, три: а не мое это дело, меня это не касается. Четыре, пять, шесть, семь: с братвой лучше не конфликтовать. С этой публикой вообще завязываться не стоит – похоронят. Не сейчас, так чуть погодя... Восемь, девять, десять...

На счете «десять» направляющий захватнической колонны поравнялся с моим столиком – в этот момент Оксана с болью в голосе крикнула:

– Господи! Да помогите же кто-нибудь, люди!!! – И тут я встретился с ее взглядом, полным отчаяния. Все во мне перевернулось. Вспомнил вдруг Милку, гоблинов, свою жену с хачеком и так далее. В голове кто-то суматошно заорал: «Влип!!! Опять ты влип, Бакланов!»

Выскочив из-за стола, я застопорился на пути движения «быков» и очень дружелюбно посоветовал:

– Мужики! Оставьте ее – она пошутила!

Тот, что двигался направляющим, повел себя очень бесцеремонно: он ухватил меня свободной рукой за отворот пиджака и грубо оттолкнул в сторону, не считая нужным сконцентрировать внимание на таком малозначительном препятствии.

– А! Не хотим, значит, по-хорошему! – горько воскликнул я, предпринимая последнюю попытку разрешить конфликт в устной форме. – А вот Феликсу пожалуйся – будет вам!

– Пшел отсюда, чмо! – рыкнул направляющий, здоровенный рыжий квадрат с бритой башкой, и вдруг попытался лягнуть меня в пах. Как давеча несчастного бородача – спутника Оксаны.

Ну, это он зря так. Тут уж я не волен был управлять стихиями. Потому что, когда общение из устной формы трансформируется в рукоприкладство (или ногоприкладство – без разницы), мое логическое мышление самопроизвольно сходит на нет, а вместо него включаются автоматизмы многофункциональной боевой машины со старой, но вполне надежной программой, ключевым файлом которой является одно коротенькое понятие «УБЕЙ!».

Резко дернув тазом назад, я встретил агрессорovu голень мощным рубящим ударом. Проигнорировав крик боли, разогнался на полкорпуса и прыгнул левым плечом вперед, сшибая направляющего с курса.

Ребята, естественно, были крепкие и имели определенный опыт в области единоборства – иначе бы их не держали в Центральной группировке. Но когда в узком проходе на вас стремительно падает стокилограммовая туша впереди стоящего соратника, вам, сколь бы крутым рукопашником вы ни были, не остается ничего другого, как столь же стремительно пятиться, поддерживая эту тушу. Пока во что-нибудь не упретесь.

Роль локомотива у меня получилась замечательно. Разогнав до предельной скорости колонну стремительно ретирующихся «быков», которые по ходу действия обронили визжащую Оксану на какой-то накрытый стол, я финишировал у витрины, в последний момент успев затормозить и прикрыть лицо руками.

Витрина лопнула с оглушительным звоном, взорвавшись сотнями осколков. «Состав» задом наперед вывалился на улицу. Выпрыгнув следом, я обнаружил, что у всех «быков» присутствуют явные признаки жизненной активности, несмотря на обильные порезы и сильные ушибы. Быстро аннулировав эти признаки несколькими точными ударами, я круто развернулся и неторопливо пошел прочь от ресторана – будто и не имел никакого отношения ко всей этой катавасии. Сами понимаете – общаться с приятелями этих громил, которые могли оказаться в разных местах огромного зала, мне вовсе не улыбалось.

В ресторане между тем включили верхний свет. Чуть погодя возбужденные голоса закричали мне вслед:

– Вон он! Вон – идет, сука!

«Нехорошо! – подумал я. – Надо бы убираться отсюда поскорее, пока не прибили!»

Сзади тяжело забухал топот нескольких пар ног.

– Стой, козел! – надсадно заорал кто-то противным голосом. – Стой, я сказал!!!

Тут я искренне порадовался, что окончил Новосибирское высшее военное командное училище МВД. Потому что негласный рекламный лозунг для абитуриентов сего distinguished заведения и поныне тот же, что и 15 лет назад: «Хочешь стрелять, как ковбой, и бегать, как его лошадь, – поступай в НВВКУ!»

– А хер вы меня поймаете, уроды! – злорадно буркнул я и приготовился наддать во все лопатки.

В этот момент наперерез мне из ворот ресторанный стоянки выскочил «СААБ-9000», заскрипел надсадно тормозами и распахнул правую переднюю дверцу.

«Ну, теперь точно влип! – подумал я. – Теперь я получу премию за мужество. Посмертно».

– Прыгай, герой! – крикнул из салона возбужденный женский голос. – Теперь моя очередь!

Раздумывать было некогда – сзади явственно доносилось хриплое дыхание преследователей. Юркнув в салон, я с удивлением обнаружил за рулем незадачливую канканщицу

настоящего типа. «СААБ» метнулся вперед, едва не сшибив успевших в последний момент отскочить догоняльщиков, и умчался в ночную мглу.

Спустя пять минут мы остановились в каком-то темном переулке, чтобы разобраться в ситуации. И не разобрались. Стоило водительнице «СААБа» произнести несколько слов, как я вдруг ощутил исходящие от нее мощные эротические флюиды и, потеряв голову, бросился на штурм неисследованной твердыни.

Не знаю, что на меня нашло: я рычал, как раненый ягуар, и в каждой конечной точке поступательного движения с размаху бился башкой в мягкий потолок машины.

Моя вновь обретенная сотрудница по сексу тоже верещала дай боже – это меня изрядно вдохновляло и одухотворяло. Позже выяснилось, что верещала она из-за того, что угодила попой на торчавший меж сидений рычаг коробки передач, но в тот момент я этого не знал – я вообще не знал, где у «СААБа» этот идиотский рычаг, – и в целом вышло все просто потрясающе!

В процессе общения моя дама всеми силами пыталась изменить положение, я активно препятствовал ей в этом, и мы умудрились перевалиться на заднее сиденье, где и завершили мероприятие серией мощных вскриков и поперечным разрывом потолочной обшивки (а все проклятые туфли на шпильках!).

Затем моя секс-партнерша включила свет и принялась искать свои трусики.

– Ну ты и звереныш! – укоризненно констатировала она спустя две минуты. – Ты ж их в клочья изодрал! – И тут же махнула рукой, как само собой разумеющееся, добавив: – А, ладно! Давай поедem куда-нибудь, продолжим знакомство в более цивилизованных условиях. И кстати – меня зовут Оксана...

Чуть позже я узнал, что сердитый бородач, которого в кабаке лягнули в пах, муж Оксаны, преуспевающий торговец оргтехникой. Как он терпел ее выкрутасы – ума не приложу! Если б она, будучи моей женой, бросила меня в кабаке и укатила бы с первым встречным на всю ночь, я б ее... а впрочем, не надо! Черт его знает, как бы я поступил на месте бородатого парниши, имея такую супругу. Потому что Оксана – это нечто. Аналогов нет.

В ходе второй нашей встречи ко мне домой очень некстати приперся мой патрон. Он иногда навещает меня, чтобы проверить соответствие образа жизни подчиненного его начальственным установкам на добропорядочность и лояльность. Как правило, эти посещения завершаются ужианием вдрызину и философскими беседами ночь напролет об абстрактных материях.

Вообще-то я категорически приветствую такие наезды: Дон потрясающий собеседник и вообще феномен интеллектуального плана, каких в наше время встречается по паре на три с половиной миллиона жителей. Но в тот раз, сами понимаете, этот визит был очень и очень нежелателен.

Дон, старый половой разбойник, моментально расправил плечи, замаслел глазенками и очень скоро нашел с Оксаной массу точек соприкосновения. Я, увы, рядом с этими витийствующими светилами интеллектуального фронта почувствовал себя недоразвитым дегенератом, удравшим из приюта для умственно отсталых подростков и попавшим по воле случая на заседание Совета Академии наук.

Узнав, что Оксана валяет дурака на содержании мужа и умирает от скуки, Дон моментально предложил ей работать психоаналитиком в нашей фирме. Он якобы давно хотел ввести такую должность (я чуть фужер не проглотил от злости: никогда раньше не слышал, чтобы этот старый маразматик помышлял ввести нечто подобное!). Оксана не раздумывая согласилась.

Вот, собственно, и все. Уже почти пять месяцев предмет моей нездоровой страсти пашет у нас психоаналитиком и частенько – по моей просьбе – проводит сеансы с Милкой. Только не надо думать, что каждый этот сеанс завершается жарким сплетением наших тел

где-нибудь на ковре в гостиной. Отнюдь! Я уже говорил, как эта... эта... короче, как она ведет себя по отношению ко мне. Когда я ей говорю, что мучаюсь от избыточной эрекции, общаясь с ней и не будучи в состоянии ее заполучить, эта мегера снисходительно советует: «А ты мастурбируй, мальчик мой. Во всех отношениях полезная процедура! Или женись – ты уже большой...»

Ух, зараза!!! Когда-нибудь я ее...

На улице послышался автосигнал. Я резво метнулся к выходу: вот она, моя радость долгожданная, моя красавица!

Увы, это был всего-навсего посыльный «Курьера», который привез заказ.

Без особого энтузиазма разложив на столе в гостиной все аксессуары торжественного ужина, я аккуратно установил хризантемы в вазу (эта фурия обожает хризантемы), запихал шампанское в морозилку и накрутил номер объекта ожидания.

С той стороны мне тем же эротическим голосом сообщили: пока есть кое-какие дела, не позволяющие отлучиться; томительное ожидание только раскаляет страсть и придает остроту интимным отношениям, и вообще – учитесь властвовать собой, парниша! Короче, будет лишь через пару часов!

Тудыт твою налево! Взвыв от досады, я слегка попрыгал, чтобы восстановить кровообращение и душевное равновесие, ритмично подышал и пошел посмотреть, чем там занимается Милка.

Милка была в порядке. Она сидела в моей импровизированной студии, задумчиво улыбаясь, и рисовала. И рисовала то, что положено, – никаких отклонений.

Вернувшись в гостиную, я принялся гулять из угла в угол, с нетерпением поглядывая на ходики и подгоняя минуты. Кстати, пока я тут расхаживаю без дела, давайте расскажу вам о некоторых особенностях моей личной жизни. Боюсь, без этого вам может кое-что показаться не вполне понятным в процессе нашего последующего общения. А если вы прочли «Профессия – киллер», можете следующие странички смело перелистнуть – ничего нового вы там не обнаружите.

Итак, зовут меня Эммануил Всеволодович Бакланов (о чем думали мои родители?!). Имечко, сами понимаете, еще то, а потому для своих я – Бак. Рост – 174 см, вес – 85 кг, зимой догоняю до 90 – толстею от безделья. Всю свою сознательную жизнь увлекался у-шу и старательно постигал учение даосов, которое так и не сумел осилить по причине чрезмерной лености и излишней чувственности, превратно трактуемой близкими людьми не иначе как склонность к сдвигу на сексуальной почве. Имею большую и, смею надеяться, неглупую голову, а также предрасположенность к маразматическим измышлениям философского плана, которая в зависимости от влияния сезонных факторов может обостряться до чрезвычайности.

Сейчас мне тридцать лет. Шесть из них я служил в спецназе Внутренних войск, откуда в 93-м году меня благополучно выперли за скверные манеры. Непосредственно перед выпиранием (а может, задолго до того – точно не знаю) я благодаря своей красавице жене успел обзавестись мощными ветвистыми рогами. Если бы они действительно росли, я скорее всего был бы похож на пятнистого оленя в зрелом возрасте.

С рогосозидательницей я счел целесообразным скоростижно развестись после небольшого скандала и умотал в свой родной город, оставив ее с непонятно чьим сыном (на хачека здорово похож) на попечении многомудрых родителей.

Чуть позже мои родители погибли в автокатастрофе при смутно прослеживающихся обстоятельствах (сумерки имели место). От горя и безысходной тоски я ушел в долговременный запой, в процессе которого только чудом не угорел от алкоголя и не продал дом своих родителей каким-нибудь ханыгам.

Из запоя меня вытащил славный парень Дон. Донотан Резоевич Чанкветадзе. Обязательный грузин, которого несведущий наблюдатель ни в коем случае не заподозрит в том, что он в этом году отпраздновал свое шестидесятилетие. Так хорошо этот парниша выглядит – следит за собой. Дон – светлое пятно на фоне всеобщего российского упадка, ходячий аналитический центр и вообще – президент огромной фирмы, которая занимается всем, что входит в понятие «сельскохозяйственная продукция»: производством, обработкой и сбытом оной.

Когда-то давно, до моего рождения, Дон беззаветно любил мою мать. А потом его кореш – мой папанька – эту любовь у него отбил и женился на ней. Обычное дело, прошу заметить, – такие случаи сплошь и рядом имеют место в системе человеческих отношений. Детей у Дона нет, и, возможно, в память о любви к моей матери он относится ко мне несколько иначе, чем к обычному сотруднику фирмы. Правда, для наших необычных отношений есть и другие причины, но вот эта, на мой взгляд, является превалирующей.

В настоящий момент должность, мною занимаемая, именуется солидно и звучно – секретарь-референт-телохранитель. Во как! Близкие люди – Слава Завалеев и Серега Айдашин, соответственно, начальник СБ фирмы и его зам – дразнят меня НППР (не пришей к одному прелестному месту рукав!). Как ни прискорбно, это соответствует действительности. В обычное время я просто изображаю мебель в головном офисе. Могу целыми днями сидеть в своем уютном кабинете и гонять на компьютере танки. Или пойти в «Динамо» лупить по грушам и качаться. Там меня принимают в память об отце, который был заместителем прокурора области. Но это только в обычное время.

Дон, светский лев и гранд, король многоходовых комбинаций в деловом мире, когда ситуация закручивается в штопор и имеют ценность только хорошо наработанные автоматизмы воина, теряет голову и становится совершенно беспомощным. Вот тут выступаю я: взваливаю все его проблемы на свои крепкие плечи и начинаю отрабатывать свой хлеб с красной икрой. Так было уже несколько раз, и, как мне кажется, я с лихвой окупил затраченные на меня средства и отеческую заботу патрона. В противном случае Дон не держал бы меня: он не альтруист и все свои деяния сообразует с рациональным расчетом.

По роду деятельности наша фирма полукриминальная – как, впрочем, и все солидные образования аналогичного типа. Иначе они давненько бы повылетали в трубу под траурный марш Шопена. Государство грабит предпринимателей стократ круче, чем самые отъявленные бандиты. Поэтому предприниматели предпочитают иметь дело с бандитами. Наша фирма в этом плане не составляет исключения, хотя она и занимает ведущее место в области по объему выпускаемой продукции и инвестиционным вложениям. Без бандитов в нашем деле далеко не уедешь. Хотя бы уже потому, что все торговые точки, которые реализуют продукцию нашей фирмы, располагаются на чьей-то земле и территориально принадлежат той или иной бригаде. А помимо этого, существует еще целый ряд обстоятельств, которые однозначно предписывают нам всюду сотрудничать с братвой сразу по нескольким направлениям, и порвать этот порочный круг до сих пор никому еще не удавалось.

Волей случая вышло так, что два года назад мой бывший ротный, боевой брат и наставник Бо стал главой бандитской группировки сразу аж четырех районов периферии Новотопчинска. Может быть, именно в связи с этим, а может, просто из-за того, что более явно выраженного бездельника в фирме не нашлось, с некоторых пор в мои функции входит решение всех вопросов, так или иначе связанных с периферийной братвой. С этой группировкой у нас вообще нет проблем: стоит мне наvertеть номер ротного... (Пардон – бывшего ротного! Теперь в миру его именуют не иначе как Бо.) Так вот, стоит мне наvertеть номер Бо, как все проблемы моментально отпадают. Это в значительной степени добавляет мне весу в глазах руководящего состава фирмы – они понятия не имеют, что такое боевое братство, и полагают, что я сам по себе такой изощренный организатор: кручу дела с целой группировкой,

которая, между прочим, держит под «крышей» практически все наши производственные мощности. Ну и пусть себе полагают – мне от этого не хуже. А рядовые «быки» всех четырех бригад периферии вообще считают, что я – правая рука Бо, поскольку мы частенько общаемся и проворачиваем кое-какие совместные дела.

С городскими группировками также трудностей не возникает. Они все в кабале у Дона и помнят об этом. Кроме того, все дела с городской братвой ведет страшный пройдоха и буквоед, наш юрисконсульт – Гнилов Ник. Ник., который так много знает, что его пора убивать. При общении с ним у каждого возникает мощный комплекс профессиональной неполноценности – если вы сантехник, к примеру, через три минуты беседы с Гниловым, который ни разу в жизни не закрутил гайки, вам покажется, что вы имеете счастье разговаривать с чемпионом мира по монтажу санузлов. Он переспорит и переубедит кого угодно – исключений пока не зарегистрировано.

Итак, с бандитским руководством Новотопчинска у нас проблем нет. На нижнем уровне, правда, периодически случаются небольшие неувязочки – типа той, что я описал выше, в случае с ресторанной потасовкой. Но это мелочи. У нас в Новотопчинске вообще будь ты хоть трижды Терминатор, но без «спины» мимо братвы изволь ходить строевым шагом. А я могу любому «быку» без разговоров зарядить в пятячину. Потом, в ходе разборки, выяснится, что «спина» у меня – выше «крыши»!

Кто-то может усомниться: да кто ты такой вообще, парень?! Отчего это президент могущественной фирмы так терпеливо сносит все твои выкрутасы? Ведь есть же вещи, которые не прощают даже самым близким людям! Ну конечно, конечно, есть... Но не для меня. Почему? Извольте: два года назад я по своей инициативе завалил одного «черного банкира», который отмывал левые бабки местной братвы. Макс Беркович, упокой господь его грешную душу. Может быть, вы об этом в газетах читали.

Этот Беркович был гений: так все организовал, что являлся ключевой фигурой в сложной системе обработки «черного нала». Когда его не стало, братва вынуждена была пойти на поклон к Дону. С этого, собственно, все и началось. Очень скоро наступил небывалый расцвет нашей фирмы, продукцию которой в настоящее время вы имеете в ежедневном обиходе до десятка наименований. Вот откуда особое отношение Дона – президента огромной процветающей фирмы – к моей скромной персоне. Своим могуществом он обязан мне.

История с Берковичем имеет продолжение. В процессе ликвидации этого товарища меня в буквальном смысле поймали на месте преступления и насильственно завербовали (шантажировали, сволочи, ой как шантажировали!) люди из весьма странной и непонятной организации. Вот уже два года я на нее работаю, а до сих пор не могу точно утверждать, политическое ли это общество по типу «красных бригад» или частное образование, обильно субсидируемое нашими высокопоставленными лицами, действительными хозяевами России.

Организация эта готовит высокопрофессиональных убийц разнообразной ориентации и, используя их, осуществляет различные акции, направленные на достижение ей одной ведомых целей (подробнее – в «Профессия – киллер»). Не буду распинаться: скажу только, что эта организация может, как мне представляется, рулить ситуацией в стране как ей вздумается. Устраивать мини-перевороты, менять, как перчатки, политиков и солидных делокрутов, пачками отстреливать депутатов. И не только отстреливать. Я не удивлюсь, если в один прекрасный день окажется, что треть верхней палаты парламента одномоментно обвела грибов и от этого сдвинула лыжи или померла в страшных муках от лучевой болезни. Потому что помимо убойных категорий: снайперов, бойцов и саперов – исполнительское звено этой организации имеет в своем составе натуралистов. Чем эти товарищи занимаются, вы уже знаете. Могу лишь добавить: гордиться, конечно, нечем, но без ложной скромности заявляю, что нас не много (мой порядковый номер – 4) и каждый специалист экстр-класса.

Управление организации проводит тщательную селекцию среди наиболее талантливых мерзавцев типа меня и самых перспективных готовит по специализации в Школе, делая из них совершенные орудия уничтожения. Я, например, за последние два года, помимо выпускного экзамена, исполнил восемь акций... пардон – со Снеговым уже девять. Рекламаций со стороны работодателей не было.

Для удобства в общении организация именуется ПРОФСОЮЗОМ. Я считаю, что это объективно. Судите сами: профессиональный союз, сборище профессионалов. Дилетантам там места нет. Непрофессионал (не усвоивший в совершенстве все аспекты и нюансы работы) в ПРОФСОЮЗЕ очень быстро умирает. Для этого существуют специализированные бригады ликвидаторов. Очень, хочу заметить, нехорошие и пасмурные дядьки – разок пришлось пообщаться, до сих пор, как вспомню, мурашки...

Сейчас, после наработки определенного стажа, я чувствую, что имею в этом синдикате убийц закрытого типа определенный вес. Мне позволяют спорить и возмущаться условиями работы, оказывают поддержку во всем, что касается специализации, и вообще я чувствую за своей спиной могучую силу, страшную своей неизведанностью и непредсказуемостью. Меня уже не обзывают по порядковому номеру, теперь я – Капитан. Это удобно во всех отношениях. Обычно Диспетчер ПРОФСОЮЗА звонит и говорит: «Капитан, ПРОФСОЮЗ решил (или – ПРОФСОЮЗ хочет)...» – то-то и то-то. Я уволен из войск и лишен последнего на момент состояния в должности звания – капитан. Так что, если у кого-то и достанет ума подключиться к моему аппарату, он ничего особенного не услышит. Просто кто-то из бывших коллег обращается к сослуживцу.

Вот в общих чертах вторая сторона моего существования. И последнее, что нуждается в пояснении: Милка. Моя извечная боль и постоянный укор.

Когда-то, еще служа Родине во Внутренних войсках, я имел неосторожность убить одного неловкого бородатого мужика кавказской национальности. В принципе он сам виноват: не научился толком обращаться с ножом, а туда же – приспичило ему, видишь ли, завалить офицера спецназа! Развлекался бы несколько иначе, глядишь, еще бы жил да жил. Так вот, у этого парниши остался брательник – Тимур. Его в тот раз я добить не догадался, а надо было. Понимание этого пришло несколько позже, с опытом. Когда убиваешь кавказца, надо вырезать весь его род. В противном случае через некоторое время кто-то из этого рода обязательно придет за твоей жизнью.

Тимур поклялся отомстить мне – даже расписку прислал, чтобы я проникся до глубины души. Эту угрозу я воспринял очень серьезно, но прошло много времени, острота ситуации постепенно сгладилась, и я потерял бдительность.

Потом я встретил Милку, влюбился в нее безоглядно и... и был жестоко наказан. Тимур со своей бандой выкрал мою женщину, чтобы заполучить меня для расчета. Их было четверо, и за те несколько часов, что Милка находилась в их власти, они делали с ней все, что хотели. Прошло уже два года, но каждый раз, как вспоминаю об этом, сердце кровью обливается...

Да, в тот раз Тимур получил расчет – но по моему раскладу. Мне помог ПРОФСОЮЗ. Воспользовавшись его услугами, я нашел похитителей и убил без малейшего содрогания. Стер с лица земли. Я надеялся, что, покарав этих нелюдей, тем самым уничтожил и память о том, что испытала моя женщина, но просчитался. Милка испытала сильнейший психоэмоциональный стресс, в результате ее пришлось поместить в элитарную психиатрическую клинику и почти год платить бешеные бабки за лечение. Спасибо Дону – фирма взвалила все расходы на свои плечи.

Затем дело вроде бы пошло на поправку: Милку разрешили содержать дома под приглядом приходящего врача. А чуть позже я совершил чудовищное злодеяние, оправдания которому нет и не будет. Легкомысленно решив, что моя маленькая женщина оправилась от

потрясения, я, будучи изрядно подшофе, в один прекрасный вечер забрался к ней в постель и моментально реализовал свою похоть.

Милка была как каменная – ни разу не шевельнулась и широко раскрытыми глазами безотрывно смотрела в потолок. Надергавшись в свое удовольствие, я заметил наконец, что дело неладно, но было уже поздно. Женщина моя что-то шептала помертвевшими губами и вздрагивала от малейшего прикосновения. Когда же я попытался привести ее в чувство, с ней случился ужасный припадок.

Затем последовал реабилитационный курс – три долгих месяца в клинике, которые, увы, положительного результата не принесли. Мне пришлось оформлять опеку, чтобы забрать Милку, потому что она была признана невменяемой и неспособной к самостоятельной жизни.

Теперь моя женщина вроде бы снова идет на поправку. Немаловажную роль в прогрессирующем улучшении сыграли сеансы, которые с ней проводит Оксана. Однако, памятуя об особенностях ее состояния, я прибегаю к услугам квалифицированной няни, которая безотлучно находится с Милкой, когда меня нет дома. И еще... после того как я соорудил себе «художественное алиби», переоборудовав кабинет отца в изостудию, Милка увлеклась рисованием. Она может теперь целыми днями сидеть у окна и, мурлыкая какую-нибудь мелодию, малевать на холсте. В ней явно чувствуется талант: иногда ее портреты получаются так, словно их выполнил настоящий художник. Оксана говорит, что это очень полезно. Якобы живопись благотворно влияет на психику. Я, разумеется, доверяю ей – она специалист в этой области. Только вот... Иногда – обычно это случается при перепадах атмосферного давления или во время магнитных бурь – Милка начинает сосредоточенно выписывать один и тот же портрет. При этом она не мурлычет, и глаза ее тревожно расширены. Это портрет Тимура. Сходство просто потрясающее...

Я всегда рву эти холсты и стараюсь в такие моменты отвлечь свою маленькую женщину от живописи. Оксана говорит, что это отголосок потрясения, которое Милка испытала, и со временем это пройдет. И я ей доверяю – надеюсь, так и будет. Только одно меня тревожит. Рисуя портрет Тимура, Милка всегда наделяет его лицо одной характерной деталью – криминалисты называют это особой приметой. Милка старательно пририсовывает Тимуру V-образный шрам над правой бровью – след ножевого ранения. Но я могу вам поклясться чем угодно, что лоб Тимура – упокой аллах его скверную душу – был чист, как задница новорожденного ребенка! Не было у него этого шрама!

Такой шрам есть у меня... И это в буквальном смысле убивает меня, повергая в состояние безысходной тоски. Моя женщина старательно метит моим шрамом лоб своего насильника...

Бип-бип!!! – звонко твякнул у ворот автосигнал. Уффф! Ну наконец-то. А то нагнал тут меланхолии – впору стреляться!

Метнувшись на улицу, я уже спустя двадцать секунд влек в пенаты психоаналитичку с евродипломом и, плотоядно облизываясь, оценивал ее настроение. Оксана выпускала почти ощутимые физически эротические флюиды, которые моментально выбили из моей головы тягостные размышления на тему «как жизнь уныла и безотраднa». Судя по всему, на сегодня намечалось мощнейшее психореабилитационное мероприятие, при соответствующей отдаче моего могучего организма чреватое многократной редупликацией во всех мыслимых позициях...

Глава 3

– «Зенит-4» слушает.

– Цилина приглашите.

– Цилин на занятиях. Перезвоните в обед – с часу до трех.

– Это срочно! У него там беда с женой! Позовите!

– Ну... ну ладно – щас, – ломкий мальчишеский голос сразу утратил официальность. Беда все извиняет. Ради беды можно нарушить расписание занятий и вообще все к чертям похерить: все мы люди...

Я тяжело вздохнул и, переложив мобильный телефон к левому уху, принял к окуляру подозрительной трубки, прищипанной на штативе к подрамнику чердачного окна.

Не рано ли? В гостиной дома напротив, на третьем этаже, клиент наливал даме второй фужер шампанского. В бутылке еще оставалось чуть меньше половины. От базы СОБРа до дома – минут десять езды. Нет, пожалуй, как раз. Пока Цилин соберется с мыслями, пока выйдет, заведет машину – они как раз улягутся и войдут в полноценный контакт.

– Але! Кто это?! – раздался в трубке встревоженный голос.

– Цилин? – уточнил я.

– Цилин, Цилин! – торопливо пробормотал абонент. – Чего там? А?!

Ага, запыхался, бедолага. От спортзала до КПП бежал, значит. Ладненько...

– Тут твою жену е. ут, братишка, – сожалеюще сообщил я. – Прямо на диване, у тебя дома. Если хочешь посмотреть – приезжай.

– Кто это?! – раздраженно крикнул абонент. Не крикнул – простонал на выдохе, с над-рывом и болью. Угу, угу – ладненько...

– Конь в пальто! Доброжелатель! – издевательски прорычал я. – Ты лучше сюда слушай, боец. Е...рь – крутой мужик. Через дорогу, напротив подъезда – «БМВ» темно-синий. Там водила и телохранитель, оба вооружены. Дверь на цепи?

– В смысле? – потерянно пробормотал Цилин. – Какая дверь? На какой...

– Тьфу, тормоз! – сердито оборвал я его. – Дверь твоей квартиры на цепочку закрывается?

– Закрывается, – подтвердил абонент потухшим голосом.

– Ну вот – я так и думал, – озабоченно пробурчал я. – Пока ты будешь там рваться в дверь, он по рации их вызовет – водилу с телохранителем, и они тебе пару лишних дыр в башке соорудят. Они, крутые, все такие – им жизнь такого, как ты, – по барабану. Так что если хочешь без особого скандала полюбоваться, как твоя симпатичная супруга под крутым ногами раздвигает, бокорезы прихвати. И с опаской... – Цилин, не дослушав, хлопнул трубку на рычаги. Есть контакт!

Я опять посмотрел в трубку. Бутылка опустела. Шампанское в фужерах еще имелось, но клиент уже подсел к даме на диван и запустил руку ей под юбку. Ну-ну...

Достав узконаправленный микрофон, я пристроил его на подоконник и принялся с помощью струбцины наводить на интересующее меня окно. На душе было пасмурно и тревожно. Неловко крутанув струбцину, я вогнал в большой палец здоровенную занозу и злобно стукнул кулаком по шершавому подоконнику, восклицая: «Нет, у вас там определенно квартальный план горит, дебилы!»

Так бесцеремонно ПРОФСОЮЗ поступал со мной впервые. Обычно интервал между заказами составлял от двух до четырех месяцев. Управление ПРОФСОЮЗА тщательно подбирало каждого клиента, противопоставляя личность жертвы киллеру в такой степени, что киллер разрабатывал объект, ни секунды не задумываясь над тем, что он делает. Для меня клиент всегда был врагом. Я боец и, убивая врага, не обременяю свое сознание нравствен-

ными аспектами данного деяния. Так спокойнее. И потом – чего зря умничать? А ля гер ком а ля гер, как говорится.

В данном же случае все было через задницу. Никаких исходных данных. Никаких интервалов. Рано утром, в понедельник, позвонил Диспетчер ПРОФСОЮЗА и сообщил открытым текстом: «Гнилов Николай Николаевич. Не позднее следующего понедельника. Отпуск не проси – разрабатывай по ходу. Вопросы?»

Я был настолько замордован Оксанкиными ночными ухищрениями, что сразу и не нашелся что ответить. Только промычал нечто нечленораздельное и начал шарить по прикроватной тумбочке в поисках початой бутылки с минералкой.

– Ну и ладушки, – истолковал по-своему мое мычание Диспетчер. – Да, условия те же. Нулевой вариант. Ну, бывай, Капитан. – И положил трубку.

Напившись и немного очухавшись, я обнаружил, что моя взбалмошная пассия давненько убралась восвояси. При этом она умудрилась приготовить мне завтрак и очередной сюрприз: записку с обещанием больше никогда со мною не сексуальничать. Вот вещдок. К записке был пришпилен канцелярской скрепкой изодранный в лохмотья презерватив.

Заскорбев душой, я накрутил промежуточный контактный телефон и поинтересовался:

– Это что, наш вице, что ли?

– Ага, он, – подтвердил Диспетчер и, вопреки обыкновению, не стал выговаривать мне за неоправданный звонок.

– Вы че там – совсем навернулись?! – злобно проскрипел я. – Или у вас там кадровый переворот? А?

– У нас все путем, Капитан, – уверил меня Диспетчер. – Не гони пургу. Я тебе гарантирую, что все деется в интересах вашей фирмы. Пока...

Я посмотрел на часы. До предполагаемого времени прибытия Цилина оставалось около пяти минут. Узконаправленный микрофон воспринимал жаркое дыхание клиента и слабенкое попискивание Цилиной, доносившиеся из раскрытого окна на третьем этаже. Хорошо – процесс пошел! Телохранитель и шофер на заднем сиденье «БМВ» играли в шахматы. Порядок. Что там еще у нас?

Я быстренько прогнал все варианты ситуативных отклонений, характерных для данной обстановки, и пришел к выводу, что, если таковые и наклевываются, в настоящий момент мне уже не удастся повлиять на ход истории.

Когда занимаешься режиссурой, можешь управлять событиями лишь до определенного момента. При наступлении этого момента остается довольствоваться ролью стороннего наблюдателя: переминаться с ноги на ногу у подозрной трубы и заклинять своего киллерского бога, чтобы все прошло как надо.

Здесь нельзя, как в кино, скомандовать: «Стоп мотор!» – и прогнать еще один дубль. Как получилось, так получилось. Или все предусмотрел, предвосхитил и организовал на высшем уровне, или все полетело к чертовой матери и надо вызывать ликвидаторов.

Вот за это бездеятельное, томительное ожидание я режиссуру не люблю. Лучше все делать собственноручно: таскать, копать, ездить, ползать, дергать за веревочку – можно даже мерзлое дерьмо ломом отдалбливать. Это легче, чем заниматься подтасовкой обстановочных факторов, не будучи уверенным даже на 70 процентов, что в нужный момент произойдет правильное наложение этих факторов друг на друга, дающее в конечном итоге желаемый результат...

Вздохи, улавливаемые микрофоном, несколько участились, затем раздался оглушительный «бу-бух!» и удивленный вскрик. Я поморщился. Волосатая жопа клиента, смутно мелькавшая через тюлевый занавес, исчезла из моего поля зрения.

– На пол свалились, голуби! – догадался я. – Не торопитесь, родные мои, не торопитесь – времени у вас – вагон!

Гнилов Н. Н. являлся вице-президентом нашей фирмы. Он был правой рукой Дона, его верным другом и высокопоставленным специалистом в области администрирования. Не буду повторяться о его роли и значении во взаимоотношениях фирмы с братвой. Сотрудники не зря за глаза величали Гнилова либо «зам по братве», либо скромно и просто: «Дон-2».

Надеюсь, понятно, почему я возмущился, получив заказ на Гнилова. На роль врага он не тянул. Это был живой человек, с которым я имел счастье чуть ли не ежедневно общаться как в быту, так и на работе. Веселый разбитной мужик, рубаха-парень. Я с ним парился в бане, ездил на охоту и неоднократно пил водочку. Теперь я должен был убить его, поверив на слово Диспетчеру ПРОФСОЮЗА, который дал понять, что своим существованием Гнилов наносит ущерб интересам фирмы, а значит, и моим тоже. Хотя почему «должен»? Я уже убил его – если все верно рассчитал. Теперь остается только наблюдать, как он умрет. Пышущий здоровьем мужик, в расцвете сил, надежда и опора фирмы, «Дон-2», одним словом...

В конце улицы показалась бежевая «шестерка» Цилина. Я вздрогнул от неожиданности и нервно дернул кадыком. Муж прибыл на три минуты раньше ожидаемого срока. Наверно, гнал, игнорируя светофоры, как ужаленный в причинное место.

Стоны и вздохи в наушниках пока не набрали должной интенсивности. Ай-я-яй! Нехорошо, очень плохо! Я рассчитывал, что Гнилов, изощренный в искусстве любви, успеет хорошенько раскопчегарить свою подружку к моменту прибытия ее благоверного. Тогда они (адюльтерщики), выпав из обстановки, не обратят внимания на безмолвное вторжение пострадавшей стороны. А сейчас могут обратить – и это черт его знает чем кончится. У Гнилова при себе сотовый телефон – вдруг в панике начнет названивать куда не надо?!

«Жигуль» медленно проехал мимо «БМВ», завернул за угол и остановился возле мусорных баков. Шахматисты в гниловской тачке не обратили никакого внимания на машину Цилина. Значит, установку на экстренное оповещение в случае прибытия мужа они от своего патрона не получали. Н-н-н-н-да... Очень и очень неосмотрительно вы себя ведете, уважаемый Ник-Ник! Так недолго и в неприятность влететь...

Цилин упруго выскочил из машины и несколько секунд стоял, нервно барабанил пальцами по капоту и глядя на раскрытое окно своей квартиры на третьем этаже. Затем подошел к углу здания и некоторое время наблюдал за парнями в машине Гнилова. Я облегченно вздохнул и мысленно поаплодировал ему. Давай, родной, давай – действуй далее в том же духе. Не надо только пороть горячку.

Мне не потребовалась неделя, чтобы «разработать» Гнилова. Я прекрасно знал об этом адюльтере. Вот большинство читателей (сужу по себе) почему-то думают, что крутые деловары (не индейцы, а те, кто «дела варят») из разряда Дона и Гнилова чуть ли не ежевечерне гуляют в ночных клубах, надираются вусмерть и утаскивают оттуда в шикарные отели длинноногих красавиц с потрясающими сексспособностями. Я тоже раньше так думал, пока не убедился в обратном. Друзья мои, не верьте досужим сплетням! Доны и Гниловы в ночные бары и клубы заворачивают крайне редко, и то только в деловых целях. Они предпочитают оттягиваться в небольшой компании единомышленников, где-нибудь в уютном кабинете «Болдина», под мягкие звуки духового оркестра. Ну а о длинноногих красавицах из клубов и говорить нечего. Они, эти Доны и Гниловы, к услугам оных практически не прибегают. Это не их уровень.

У каждого из крутых делег имеется более-менее постоянная женщина или две, располагающие всем набором необходимых для этого дела качеств: хорошей внешностью, относительно развитым интеллектом, кипучим молодым задором и умением держать язык за зубами. При этом совсем не обязательно, чтобы жена деловара была отвязная стервоза и являла собой паноптикум образин всего мира в одном лице. У Гнилова, например, третья по счету супруга, которая младше его лет на двадцать. Она моя ровесница. Просто таким людям как воздух необходим элемент какой-то таинственности и ухарства, этакий гусарский

нюансик, так скрашивающий серую жизнь замордованного глобальными проблемами администратора.

«Разрабатывая» Гнилова, я уперся в адюльтер вовсе не потому, что под рукой не оказалось ничего более подходящего. Я могу ударить клиента головой о край унитаза в его персональном туалете, накормить этак ненавязчиво бутулиновыми грибочками, выкинуть на полном скаку совместно с темно-синим «БМВ» и шахматистами куда-нибудь с обрыва к чертовой матери и так далее и тому подобное: минимум двести вариантов, приемлемых в данных условиях. Все эти способы, кстати, гораздо проще и приятнее, чем постановка трагедии посредством режиссуры – выше я говорил почему.

В рамках адюльтера мне здорово понравился муж милашки Цилиной. Угрюмый крепыш сорока двух лет, молчаливый и нелюдимый, он всю жизнь преодолевал комплекс застенчивости, изошряясь в постижении тайн восточных единоборств. Цилин работал инструктором по спецподготовке в СОБРе. Обучал бойцов искусству качественно вышибать дух из преступников и стрелять из всех видов табельного оружия. Свою молодую жену Цилин любил безумно. Ну чуть ли не как Отелло Дездемону, а может, и круче – в такие нюансы мне забраться не удалось. Разница в пятнадцать лет была основой необузданной ревности Цилина. За три года совместной жизни он два раза, практически без поводов, порывался покончить с собой в припадке осознания собственной ничтожности по сравнению с яркой и интересной женщиной, живущей рядом. Об этом мне поведал Гнилов в один из приступов банного откровения, снисходящих порой и на сильных мира сего.

– Ольга опять жалуется – ее рогоносец мрачный ходит, в сторону смотрит. Как бы снова не вздернулся...

Встретившись в середине недели с Оксаной – она пришла позаниматься с Милкой, – я преподнес ей за чашкой чаю психологический портрет Цилина. Оксана в десять секунд разложила его психотип по полочкам и между прочим, в качестве прогноза, заявила, что товарищ этот, будучи в пограничном состоянии, может легко убить кого угодно...

Цилин, потратив минуту на изучение обстановки, вдруг резко стартанул с места и через несколько секунд скрылся в своем подъезде. Я аж вспотел. Куда, куда ты, паря! Я же предупреждал, что в тылу два ствола! Вот это прокол! Сейчас он легко вспорхнет на третий этаж, начнет возиться с замками-цепочками, орать благим матом...

Я выдернул из кармана мобильный телефон, болезненно поморщился и приготовился набрать промежуточный номер для вызова бригады ликвидаторов. Вот уж с кем не было никакого желания контактировать! В памяти отчетливо всплыл эпизод почти полуторгодичной давности.

Ситуация имела место почти один к одному с нынешней. Только тогда я еще обзывался Четвертым и дело было в дачном поселке неподалеку от Саратова.

Стояла поздняя осень. Легкие облака плыли по яркому небу, иногда кусая осеннее солнце своими мягкими губами. Торжественно и печально опадали последние листья, срываемые с ветвей деревьев легкими порывами шаловливого ветерка. Тишина царила над дачным поселком, раскинувшимся в живописном смешанном лесу.

Я торчал посреди тополиной рощи, на высоченном дереве, и наблюдал. Метрах в семи-десяти от меня, во дворе добротной дачи, подходил к финалу тщательно разработанный мной спектакль. Я лениво позевывал, употреблял картофельные чипсы и подумывал о перспективах на будущее. Осложнений не ожидалось – все шло по графику.

При мне были та же подзорная труба и узконаправленный микрофон, позволявшие в подробностях лицезреть и прослушивать завершающий акт трагедии, а также мобильный телефон для экстренной связи.

Прямо посреди просторной дачной террасы располагалась широкая жесткая кушетка. На кушетке производил последние фрикции мой клиент, судорожно дергая жирным задом, утробно ойкая на выдохе и с шумом засасывая воздух сквозь стиснутые зубы.

Под клиентом повизгивала крашенная блондинка, обвивая красивыми ногами его широкую спину и ловко поддавая снизу тазом. Я загадал, что если процесс завершится на счете 13, то мне выпадет в жизни удача, и начал считать.

Жена клиента – худосочная неврастеничка, дочь большого начальника, вовремя оповещенная мной по телефону, двадцать секунд назад успела благополучно перемахнуть через высокий забор дачи. Теперь, дрожа от нетерпения, она кралась вдоль стены дома к террасе, сжимая в руках семизарядный карабин.

Перестав позевывать, я несколько оживился и принялся с интересом наблюдать за происходящим. Карабинчик дочке подарил папенька. Он же научил ее из любого положения с двадцати шагов попадать в полтинник. От угла дома, который сопрягается с террасой, до кушетки – едва ли что-то около восьми метров. Угу, угу...

Вдруг откуда ни возьмись к воротам подлетает белая «Мазда» и высаживает из всех дверей целую процессию: мамашку жены клиента, двух мужиков с видеокамерами и какого-то толстого дядьку с портфелем. И представьте себе, вся эта компашка с шумом вваливается во двор и бежит к террасе! Я чуть с дерева не навернулся!

Мамашка, уличезрев дочку с пушкой, заорала благим матом. В этот момент дочь выстрелила и разmozжила голову блондинке, которая так усердно верещала, что ничего вокруг не замечала. Клиент шустренько вскочил и ломанулся в дом. Мужики с видеокамерами моментально обезоружили дочь-неврастеничку, проявив незаурядную сноровку в этом вопросе, и вскоре вся компания вовсю дискутировала внутри дома, оглашая окрестности долетающими из окон истерическими воплями.

В общем, получилась накладочка. Позже я узнал от Диспетчера, что теща следила за похождениями моего подопытного, используя детективов частного агентства. В тот момент они как раз собирались запечатлеть это дело для аргументированного разбора всесильного тестя. Никакого криминала там не было.

Но тогда я ничего не понял, а потому ничтоже сумняшеся вызвал ликвидаторов.

Спустя 12 минут к усадьбе подкатил белый «рафик» «Скорой помощи». Помнится, тогда я протер глаза – не показалось ли? Нет – действительно «Скорая помощь»! Однако хохмахи там сидят, в управлении, подумал я, усмехнувшись. Надо же, а! «Скорая помощь»...

Из «рафика» вышли четверо: двое худощавых мужиков в белых халатах и двое здоровенных типов в госпитальной униформе салатного цвета. Те, что в белых халатах, имели при себе по металлическому ящику с красным крестом в белом кружке, а «санитары» тащили на плечах какие-то мешки, тускло поблескивавшие на солнце, – то ли из пластика, то ли из дерматина, не определил. Ну ни дать ни взять – бригада «Скорой»! Только у того, что шел спереди, помимо ящика, был еще длиннющий пистолет с глушителем. Он нес его в правой руке, не пряча, – как мастер носит электродрель.

Бригада вошла во двор и скрылась в доме, где шла нудная родственная разборка. Микрофон донес до меня какой-то вскрик, оборвавшийся на половине, затем шесть раз подряд «пукнуло», спустя несколько секунд – еще два «пукиша»... и все. Над подворьем повисла тягостная тишина.

«Санитары» в несколько приемов вытащили из дома упакованные в герметичные мешки тела, погрузили их в «рафик» и не спеша закурили. Спустя пять минут показались основные – в халатах. Покрутившись на террасе, они вышли за ворота. Тот, что с пистолетом, завертел башкой, словно принимаясь, и вдруг уставился в мою сторону. Видеть меня он не мог, но, ей-богу, я вдруг почувствовал, что этот тип чует мой запах! Через трубу я прекрасно рассмотрел его: морщинистое аскетическое лицо с бледной кожей, волчьи уши торчком и

безжалостные глаза мертвого пса. Можете мне поверить: если нормальный человек в сумерках столкнется с таким на лестничной клетке, есть перспектива навсегда остаться заикой! Второй, без пистолета, тоже был не менее симпатичный, но этот, ко всему прочему, имел на голове полное отсутствие растительности. Блестящий квадратный узколобый череп.

– Господи! Да где ж вас таких клонируют?! – помнится, растерянно прошептал я тогда.

– Эй, Четвертый! – крикнул «череп» дребезжащим голосом – будто, кроме нас с ним, никого в округе не было. – В той усадьбе мусор есть? – Он потыкал стволом в направлении расположенной по соседству дачи.

Оправившись от неожиданности, я ответил:

– Там никого посторонних нет. Дед с бабкой и пацан – они совершенно не в курсе... – «Череп», не дослушав, махнул рукой и затрусил в сторону соседней дачи.

Через пару минут «санитары» притащили оттуда еще три мешка – два больших и один поменьше. Пока они грузили тела в «рафик», «череп» пристально смотрел в мою сторону и чесал глушаком висок. Второй красавчик – «волосатый» – стоял с ним рядом, беседовал по мобильному телефону и тоже смотрел в мою сторону. Я, потея от напруги, крутил струбцину, фиксирующую микрофон, чтобы успеть поймать в полосу восприятия хоть часть беседы. Сложив телефон, «волосатый» переглянулся с «черепом» и потыкал пальцем в мою сторону. Я замер. Все богатства мира в тот момент я отдал бы за старенький обшарпанный пулемет. Или хотя бы трехлинейку. Но, увы, такие прекрасные штуки натуралистам по штату не положены. Голова и руки – вот твоё оружие. Не умеешь им пользоваться – пиши заявление. Ликвидаторы тебя моментом рассчитают...

Прищурившись, «череп» сожалеюще покачал головой и крикнул:

– Будь здоров, Четвертый! До встречи! – Бригада погрузилась в просевший на рессорах «рафик» и укатила.

Спустившись с тополя, я на ватных ногах приблизился к усадьбе клиента и осмотрел дом. Ни-че-го... Вы представляете?! В этом доме десять минут назад была куча трупов. Плюс блондинка на террасе, мозги которой разлетелись на несколько метров вокруг. После работы ликвидаторов я не смог уловить даже намека на трагедию, здесь разыгравшуюся. На соседней даче дела обстояли так же. Создавалось впечатление, что хозяева вышли на минутку и вот-вот вернуться...

Так состоялось мое первое знакомство с мероприятием, которое на сленге ПРОФ-СОЮЗА именуется весьма скромно и непритязательно: чистка. Теперь, надеюсь, понятно, отчего я болезненно поморщился, когда возникла необходимость вызвать бригаду ликвидаторов. Нет, я далеко не робкого десятка парень и нервы у меня – что тросы. Но встречаться с этими товарищами – извините...

Спустя несколько секунд инструктор вновь вынырнул из подъезда. В руках он держал швабру и ведро. Я облегченно отер пот со лба и спрятал мобильный телефон в карман. Молодец, инструктор! Извини – плохо о тебе подумал.

Приблизившись к «БМВ», Цилин наклонился к приоткрытому заднему стеклу и что-то спросил у игравших в шахматы. Из окна показалась рука с зажигалкой. Я напрягся – очень неудобное положение для массового разоружения. Надо открывать дверь, вламываться внутрь, это довольно долго...

Аккуратно прижав высунутую руку к срезу стекла, Цилин вдруг перехватил швабру наподобие бильярдного кия и два раза коротко долбанул ею внутрь салона.

Эх ты! Ну ты даешь, инструктор! Надо будет взять на вооружение этот прием. Две головы, возвышавшиеся над задним сиденьем «БМВ», безжизненно свесились набок. Определенно, собровцы не зря платят своему наставнику!

Открыв дверцу, Цилин забрал пистолет у того, кто был к нему ближе, и опрометью бросился в подъезд. Прильнув к окуляру, я прижал наушники плотнее и досадливо

поморщился. В этот момент микрофон начал пичкать мой слух оргастическими вскриками Гнилова, подскакавшего к финишной черте, и непрерывным воплем милашки Цилиной, намертво выпавшей из обстановки.

Цилин – опытный боец – не стал возиться с замками и цепочкой. Судя по оглушительному грохоту, перекрывшему акустическое оформление оргазма, инструктор тривиально вышиб дверь мощным ударом ноги.

Спустя несколько секунд микрофон уловил нечто похожее на рев раненого зверя. Затем – почти без паузы – восемь хлестких выстрелов дуплетом: четыре серии по два. Так стреляют профессионалы, работая по групповой мишени.

В поле моего зрения выплыла широкая спина инструктора, которая пятилась к окну, – микрофон уловил сдавленные рыдания. Я смахнул со щеки невольно набежавшую слезинку и начал собирать свои причиндалы. Понимаю я это дело. Сам такой...

Глава 4

Субботнее утро было ужасным. Во-первых, вчера, по прибытии домой после посещения прозекторской, я стремительно принял на грудь содержимое 750-граммовой бутылки «Смирнова». Принял в одиноличном порядке и на пустой желудок. Результат не замедлил сказаться с самого ранья: едва добравшись до санузла, я минут пять эффектно пугал унитаза, повергая в смятение Милкину няньку.

Во-вторых, муки душевные и скверное физическое состояние резко усугубил разговор с Оксаной, которой я имел неосторожность позвонить в надежде организовать секс-терапию с доставкой на дом.

Эта мегера, эта паразитка, эта... эта... короче, она опять, весьма некстати, решила меня помучить.

– Выпиши каталог медицинских изделий, – велела она ленивым голосом, – изучи все аннотации на контрацептивы и законспектируй в тезисной форме. Когда сдашь мне зачет по порядку пользования, тогда и поговорим, – и хлопбытнула трубку на рычаги.

– Ах ты ж, ублюдка!!! – вскричал я в ярости и хотел было швырнуть телефон в стену. Но, полюбовавшись на свое некачественное отражение в полированной поверхности прикроватной тумбы, передумал и аккуратно вставил трубку в гнездо. Свое все – не дядя подарил. Да и потом – аппарат здесь при чем? Вот если бы эту мегеру – да об стену! Тогда да – это я понимаю!

Я живо представил себе со мстительной радостью: хрупкая шея аналитички в моих крепко сжатых, могучих руках, глаза выпучены, пена на губах, башка дергается туда-сюда... М-м-м-м-м-м! Блеск! Последние, конвульсивные рывки – и... Нет, лучше слегка придушить, а потом все на ней изорвать в клочья и оттарабанить по полной программе: грубо, громко, дерзко и беспощадно. Чтобы вела себя прилично!

Потерзавшись до 12.00 сомнениями по поводу целесообразности своего существования в этом мире, я решил отправиться к Бо. Бо – это последняя инстанция. Когда мне хорошо и дела идут, я о нем и не вспоминаю. А когда жизнь кажется невыносимой, я отправляюсь к Бо. Потому что Бо – мой кровный брат. Я – это он, он – это я. По ходу повествования вы поймете, отчего так обстоит дело.

Навертел номер. Дождался, когда в трубке раздастся ленивое сопение. Бо всегда сопит в трубку (у него перебит нос) и молчит – ждет, когда абонент представится.

– Это я, – доложил я.

– Ну.

– Хочется стреляться.

– Ну!

– Ага! Щас возьму и застрелюсь – если у тебя сегодня баня не топится.

– Ну-ну...

– Короче – я еду?

– Ну.

– Да фуля ты «ну» да «ну»! Скажи русским языком – ты меня ждешь или где?

– Эндр би торуц цол угав! – протараторил Бо. – Эндр нанд керг дала! Во как!

Это я уже выучил. В переводе с калмыцкого это значит: я занят, у меня дела. Но это также значит, что он будет рад меня видеть в любое время дня и ночи. Потому что за последние два года, когда Бо действительно был занят (в тот день, как потом выяснилось, имела место экстренная разборка с залетными дагами, в ходе которой образовалось шесть трупов), он ответил мне что-то типа:

– Извини, малыш – сегодня тебе лучше отдыхать дома.

– Через сорок минут буду, – пообещал я. – Передай привет Коржику – я его сегодня пополам порву.

– Ну, – согласился Бо и отключился.

Проинструктиввав Милкину няньку, я прыгнул в «Ниву» и помчался в Верхний Яшкуль, в штаб-квартиру Бо.

Предшественник Бо, Грек, дислоцировался в Вознесеновке и оттуда заправлял всей периферией Новотопчинска. Заправлял жестоко и нецелесообразно, а порой совершенно безграмотно. Проявлял политическую близорукость – не пожелал своевременно вникнуть в изменение ситуации на криминально-деловом фронте. За это и пострадал: аннулировали Грека. Ваш покорный слуга к этому делу некоторым образом приложил ручонку (подробнее см.: «Профессия – киллер»).

С тех пор прошло два года и многое изменилось. Четыре небольших городка периферии, которые являются ядром нашей процветающей фирмы: Вознесеновка, Троицкое, Солнечный и Верхний Яшкуль, – без преувеличения, кормят всю область. Там находятся все наши производственные фонды.

Бо не разрывается на части, как это делал Грек, прыгая со своей удалой бригадой в места прорыва и оставляя то тут, то там тела запытаных насмерть фермеров. Теперь в каждом городке своя бригада, организованная по армейскому принципу и состоящая из вышколенных и исполнительных бойцов. А все вместе и есть периферийная группировка, которой успешно рулит Бо.

И хотя Вознесеновка – самый крупный и наиболее удобно расположенный населенный пункт (ближе к городу), Бо обретается в Верхнем Яшкуле. В Вознесеновке жила семья Грека: брат, племянник, двоюродный брат и трое взрослых сыновей. В процессе смены власти люди Бо вырезали эту семью. Под корень. Неудобно Бо жить в таком месте...

Впрочем, что это я: все Бо да Бо! Давайте я вам представлю этого парнишу. Он стоит того, чтобы познакомиться с ним поближе.

Итак: Болдырев Бокта Босхаевич. Понятно теперь, почему Бо?! 1958 года рождения, калмык. «Я сын репрессированного народа» – так частенько он себя величает. Родился в поселке Решеты Красноярского края, куда Сталин в свое время ловко пристроил его родителей – в числе двухсот тысяч калмыков, сосланных из южных степей на бескрайние заснеженные просторы Сибири.

Окончил с золотой медалью Новосибирское высшее военное училище МВД СССР (улавливаете связь?), факультет спецназа. Три года командовал взводом спецназа в Афганистане, где приобрел солидные навыки организации спецопераций и начисто утратил гражданские понятия о ценности человеческой жизни.

Затем Баку, Ереван, Карабах, Северная Осетия с Ингушетией вкуче, Чечня... Да, из-за Чечни его и выперли из войск. Он там во время операции кого-то неправильно пристрелил. Теперь Бо очень сожалеет, что так вышло. Нет, не из-за того, что выше майора не поднялся, а потому, что так быстро все кончилось.

– Эх! Работы там много! – иногда сокрушенно вздыхает он под грустинку (как правило, после четвертого стакана «Абсолюта»). – Всего-то полгода и пришлось повоевать как следует! Эй-ей! Сколько бы я там нохчей передумал! М-м-м-м-м... Жаль, очень жаль...

Когда Бо пригласили возглавить периферийную бригаду вместо скоропостижно почившего Грека, возникла неувязочка. Я достаточно хорошо вник в аспекты существования института новой братвы и прекрасно знаю: бригадир должен быть аборигеном.

Он должен вырасти в этом городе или поселке, обрасти связями, закалиться в уличных баталиях, заработать «вес», отпадно «нарисоваться» на разных уровнях и так далее. Короче, он должен быть своим в доску.

Бо – чужак. Обстоятельства его призвания на княжение прослеживаются весьма расплывчато. Выяснить что-либо из околокомпетентных сплетен не удалось, а сам Бо один раз ясно дал понять, что не желает распространяться на эту тему. И хотя мы частенько общаемся, я более не возобновляю расспросов: не так воспитан, чтобы назойливо лезть в душу близкому человеку.

Скажу лишь то, что знают все. Бо заявился в один прекрасный день со своими людьми – четырьмя бывшими «краповиками» и моментально «поставил» себя. Завалил всех недовольных, вырезал клан Грека, посеял в группировке железную дисциплину и беспрекословное повиновение старшему. Не боясь показаться велеречивым, скажу, что в периферийной группировке в настоящее время царит дух якудзы или азиатской триады. Бо постепенно выкинул из бригад ленивых и неуправляемых «быков» Грека и набрал настоящих бойцов, которые постоянно тренируются, оттачивая ратное мастерство. Теперь Бо располагает небольшой, хорошо организованной армией, которая в случае необходимости, как мне представляется, может с легкостью перебить всю городскую братву – буде вдруг появится повод. Хотя в городе ребятам Бо делать нечего – у них хватает дел и на периферии. Порядок в группировке Бо – простой парень – поддерживает очень незамысловатыми способами. За необоснованное ослушание – жестокие побои. За предательство или деяния, хоть как-то вредящие интересам группировки, – смерть. Просто и доступно, как положено по уставу... Тьфу, что-то не то сказал.

Ну да ладно. Далее: почему мы кровные братья? Бо два с половиной года был моим командиром роты. Из зеленого лейтенанта выпестовал меня в настоящего воина. Всем, что я умею делать на поле боя, я обязан Бо (естественно, кроме того, чему меня научили в Школе ПРОФСОЮЗА). А разок я этому толстому калмыку даже спас жизнь. Хотя, если детально разобраться, виновником той передраги я был сам. Если хотите, расскажу вам об этом, пока еду. До Верхнего Яшкуля еще двадцать километров – половину как раз успею поведать. Так-так... Как же это тогда случилось? Ага...

...Солнце ласково лучилось с ярко-синего небосклона, золотыми бликами отражаясь от заснеженных вершин старых гор. Переменчивый ветер то затягивал вход в ущелье пеленой черного дыма, то оттаскивал этот дым в сторону, позволяя рассмотреть нижнюю часть распадка. Из этого распадка, по «зеленке», шустро выбирались обнаженные фигурки, экономно обрабатывая пространство перед собой короткими очередями.

Село горело. Жирные языки пламени жадно лизали дощатые вагончики-бытовки и полуразрушенные саманные хибары, из которых уже никто не огрызался свинцом.

Бо открыл глаза и уставился на меня непонимающим взором. Я обрадованно замахал руками, показывая в ту сторону, откуда к ущелью приближались солдаты, и заорал:

– Наши! Наши! Виктория! У-у-у-у!!!

Показав на свое ухо – мол, ни черта не слышу, – Бо приподнялся на локте и что-то спросил. Я в свою очередь указал на свои уши и прокричал:

– Оглох, бля!! От такого долбежа мудрено не оглохнуть!

Болезненно поморщившись, Бо всмотрелся в панораму распадка, просиял и поманил меня пальцем. Я приблизил свое ухо к его губам и с большим трудом различил:

– Ты жопу пощупай, лейтенант! Грыжа не вылезла?!

Пожав плечами, я махнул рукой. Теперь это было уже не важно... Вот так это закончилось. А началось все за шесть часов до того, ранним солнечным утром, которое лживо обещало прекрасный и томный денек, не отягощенный какими-либо пакостями.

Это был второй в моей жизни рейд: настоящее дело, а не просто прогулка по горным дорогам. В первом рейде, который состоялся четыре дня назад, я страшно трусил и изо всех сил тужился, чтобы не «потерять лицо», как выражаются местные жители. Хотя можно было особо не напрягаться – дельце вышло так себе.

Мне было тяжело из-за того, что я отстал. Три с половиной месяца назад в этих горах было тихо и спокойно, а я был здесь уважаемым человеком. Как же – лейтенант, начальник, командует целым взводом солдат и все прочее... Три с половиной месяца я не был в этих горах. За это время обстановка резко изменилась.

Пока я улаживал на равнине свои семейные дела и ударно отдыхал, мои бойцы успели поучаствовать в нескольких серьезных операциях и приобрели боевой опыт, которого у меня не было. Рота за это время потеряла пятерых, еще двенадцать находились в госпитале с ранениями различной тяжести. Я из-за этого здорово комплексовал. Получалось, что, пока ребята здесь упирались, я в это время всюду развлекался со своей молодой женой в круизе по Черноморскому побережью Кавказа. Приплюсуйте к этому обстоятельству мою молодость, все присущие этой молодости высоконравственные заскоки, и вы поймете, каково мне было в первые дни после прибытия из отпуска. Я безнадежно отстал как от своих товарищей-офицеров, так и от подчиненных мне солдат. Мне просто стыдно было смотреть им в глаза.

Так вот, первый рейд, как мне показалось, нас некоторым образом уравнил. Я вел себя вполне примерно. Мы аккуратно и грамотно накрыли небольшую группку гоблинов: половину завалили, половину повязали, никого не потеряли и благополучно доставили трофеи в долину, на фильтр-пункт.

Я успешно ползал меж дувалов за своим сержантом, выстрочил в никуда пару магазинов короткими очередями – как учили, – ни у кого не путался в ногах и вообще показал себя пайнойкой, за что и заслужил от ротного скупую командирскую похвалу.

Для тех, кто не в курсе, поясню: гоблины – это боевики. Так мы их называли. Очень плохие люди: бандиты, мародеры, насильники и вообще твари. Гоблины – по аналогии с диснеевскими персонажами из детских мультфильмов – тупые мрачные существа, не ведающие жалости и иных человеческих чувств. И поверьте – это не просто так. На войне – даже если она необъявленная – все явления именуются строго в соответствии с их подлинной сутью, что называется, без ретуши.

Ну так вот: наша рота в составе двух взводов на шести БТРах с самого рассвета прочесывала квадрат 07—12, в котором авиаразведка углядела накануне довольно приличное НВФ (незаконное вооруженное формирование) численностью чуть ли не до трех десятков стволов. По тем масштабам это было очень круто: это впоследствии они стали шариться ротами без всякой опаски, а тогда даже обнаруженная мелкая группка была событием.

Целью рейда являлось разоружение НВФ. Скромно и просто поехали, отыскиали и разоружили. Возьмите личное дело любого офицера, побывавшего в кавказской передрыге, и посмотрите соответствующий раздел. Вы ни у кого не обнаружите поощрений за участие в боевых действиях. Там будет написано: за мужество, проявленное в ходе спецоперации по разоружению НВФ. Или так: за умелые действия при выполнении СБЗ по разоружению НВФ. Насчет войны там не будет ни строчки: это я вам железно гарантирую. Мы с ними не воевали – боже упаси! Мы их просто разоружали. Для того чтобы было понятно, что же представляет собой это самое разоружение, которое унесло не одну сотню жизней молодых парней, я в общих чертах вам поясню, за какие шиши парни из Внутренних войск получали боевые награды в мирное время.

Разоружение в горах Кавказа – крайне неблагоприятное и малоперспективное занятие. Если НВФ находится на своей земле, разоружать его весьма проблематично. При обнаружении гоблины легко прячут экипировку и оказываются «мирными крестьянами», которые никаким боком не подпадают под юрисдикцию Закона о правовом режиме ЧП (чрезвычайного положения). Паспорта у них в наличии, находятся они в пункте прописки или рядом, едут или идут по делам – вот накладные, предписания и прочая лабуда, выписанные на все случаи жизни административными чиновниками, которые братья-соседи-единомышленники. Попробуй прицепись!

Даже если вы исхитритесь повязать гоблина с поличным, для него это не бог весть какое горе. Вы долго держать его на фильтре не сможете: он в обязательном порядке перекочует в родной райотдел, где работают братья-соседи-единомышленники. Они его, естественно, выпустят: иди, воюй за отнятую супостатами-сопредельщиками землю. Святое дело! Поэтому не стоит удивляться, обнаруживая за месяц по пять раз одного и того же гоблина, свежееотловленного накануне и благополучно сданного на фильтр, откуда он, по всем цивилизованным меркам, должен был лет на восемь откочевать на бескрайние просторы Сибири добывать древесину. Это не фокусы Дэвида Копперфилда, а просто явление, в обиходе именуемое «особенностями взаимоотношений в кланах кавказских народов».

Другой вопрос, если НВФ обнаружено на вражьей территории, где оно «работает». Грабит, убивает, насилует, жжет села и угоняет скот. Тогда вообще дело дрянь. Тогда гoblin будет драться до последнего патрона. Потому что по закону его должны сдать на фильтр, расположенный на вражьей земле (принцип «где поймали, там и сдали»). С этого фильтра гоблина благополучно спроводят во вражий же райотдел. В райотделе работают и сидят представители вражьего народа, на земле которого гoblin убивал и грабил. Эти представители долго и мучительно будут эксплуатировать отловленного супостата в гомосексуальном аспекте – как в моноплоскостной иррациональной проекции, так и во все остальные дыры тоже. А потом обязательно грохнут и труп отправят к административной границе со спущенными штанами. Это я вам железно гарантирую.

Предвидя такой плачевный исход, гоблины, работающие на вражьей земле, в преддверии неизбежного боестолкновения обычно берут заложников из мирного населения. Вот это самое неприятное. Хороший гoblin – мертвый гoblin: незыблемое правило спецназа. Чтобы победить врага, его надо убить. А попробуй его убей, когда он прикрывается заложником и прицельно стреляет в тебя?! Тут, помимо гуманизма, включается еще один механизм «необъявленной войны». Время-то – мирное! Войны нет. В случае гибели заложников вами будет заниматься военный суд, которому глубоко по барабану теневые аспекты так называемого «разоружения». В мирное время по вашей вине погибли мирные люди – вот вам и все аспекты. Преступник вы, преступник, батенька: извольте на нары или под расстрел! Не хрена было разоружать кого попало. Вот вкратце, что представляет собой это самое «разоружение»...

К 9.00 мы обкатали весь квадрат и ничего подозрительного не обнаружили. Информация от местного населения поступала обильно, но весьма спонтанно и отрывочно: установить систему в действиях обнаруженного авиаразведкой НВФ пока что не удавалось. Судя по всему, гоблины пока что шарахались наобум по вражьей территории, присматривая наиболее удобный способ освободить своих соратников, заактивированных нами накануне. Конкретно «нарисоваться» где-либо они еще не успели.

В одном из сел какой-то дед посоветовал ротному прошвырнуться в брошенный Чекурдах: выморочное село, покинутое жителями три года назад, располагавшееся у входа в Сарпинское ущелье. Это ущелье было очень удобным для просачивания гоблинов как с этой, так и с противоположной стороны – своеобразный природный коридор для темных сил. Его переполовинивала демаркационная линия, официально разделявшая земли враждующих народов, так что НВФ могли шляться туда-обратно без особого риска.

Ротному эта мысль понравилась, хотя она шла вразрез с поставленной командованием ВОГ (войсковая оперативная группа) задачей: ущелье находилось на значительном удалении от квадрата, в котором нам было предписано работать. После недолгих терзаний по поводу целесообразности попрашки предписанной схемы действий мы получили долгожданную команду «заводи!» и уже в 10.15 спешили в двух километрах от входа в горловину ущелья для прочесывания местности в индивидуальном порядке.

Сердце мое колотилось от волнения и на полном серьезе намеревалось выскочить из груди. Я наконец-то буду участвовать в наикрутейшей операции! В ходе марша я уже успел мысленно насладиться батальными сценами, в которых мне неизменно отводилась роль местного Рэмбо, ловко расправляющегося с пачками гоблинов, и теперь горел желанием претворить эти мечты в жизнь. Чтобы убедить всех, что я сам по себе крутой парень, а не просто генеральский зять. Чтобы более не терзаться комплексом отставания от своих боевых товарищей. Чтобы доказать самому себе, что я настоящий мужик. Волнения мои усугубились поведением ротного: он озирался по сторонам и как-то оценивающе поглядывал на меня, словно прикидывая, чего же я стою.

«Вот оно! – с ликованием крикнул кто-то в голове. – Сейчас тебя запихают в самое пекло, чтобы проверить, каков ты есть! Держись!»

Закончив озираться, ротный, по-видимому, принял окончательное решение и махнул рукой, подзывая меня к головному БТРу. Подбежав, я вытянулся в струнку: хотелось щелкнуть каблуками, но, увы, в кроссовках да на камнях это довольно проблематично.

– Пойдешь в разведдозор, лейтенант! – бодро заявил ротный, указывая на лесистую сопку справа по ходу движения колонны. – Скрытно заберешься повыше, замаскируешься и будешь внимательно следить за подступами к селу. Возьмешь с собой вот этих, – он потыкал пальцем в сторону троих бойцов, у которых из драных кроссовок топорщились свежие бинты. Бойцы, понуро смотревшие в землю, как по команде, начали красноречиво вздыхать и шмыгать носами.

– Молчать, я сказал! – прикрикнул на вздыхателей ротный и ворчливо добавил: – Разведка – основа операции! От вас зависит общий успех! – Он хлопнул меня по плечу и прочувствованно сказал: – Береги себя, лейтенант! И бойцов береги... Да, на связь – только в экстренном случае. Как на обратный склон перевалите, так сразу же попадете в зону их радиоперехвата. Если без дела что вякнешь – провалишь операцию еще до ее начала! Вопросы?

От обиды у меня перехватило дыхание – слово вымолвить не мог. Вот спасибо-хорошо! Рота будет двигаться цепью вниз, по распадку, который выходит напрямик на село, к горловине ущелья. По этому распадку пять минут назад убежал командир первого взвода Леха Медведев, прихватив с собой дозорное отделение. Разведдозор на сопке в данной ситуации был нужен роте как корове седло. Получалось, что ротный не хочет пускать меня в серьезное дело, потому что я, по его мнению, еще недостаточно обкатан. А чтобы это не выглядело как отстранение от участия в операции, он вручил мне трех индюков, которые из-за потертостей не в состоянии перемещаться в нужном темпе, и теперь посылает в безопасное место. Чтобы не путался под ногами. Чтобы не обгадил операцию неумелыми действиями. Чтобы посмотрел со стороны, как должны работать настоящие мужики. Господи, как обидно!

Справившись с дыханием, я глухо пробормотал:

– За дурака меня держите? Я уже обстрелянный! Разрешите участвовать в операции!

– Но-но, малыш! – урезонил меня ротный. – Полегче! А кто тебя отстраняет? Участвуй на здоровье! Вон – забирайся на сопку и участвуй сколько влезет. – И жестко обрезал, заметив, что я вновь пытаюсь открыть рот: – Разговоры! Еще слово – посажу на бэтээр и отправлю в долину вместе с этими шлангами! – Ротный кивнул на бинтованных «разведчиков» и поставил точку в неприятном разговоре: – Все! Мы начинаем движение через двадцать минут. К этому моменту вы должны миновать верхнюю точку. Вперед!

Спустя 15 минут мы перевалили вершину сопки – мои разведчики, несмотря на потертости, перемещались довольно расторопно.

Оказавшись на обратном склоне, я с досадой обнаружил, что не могу выполнить на все сто даже это бутафорское боевое задание.

Сразу за сопкой, на которую мы вскарабкались, располагалась следующая – чуть повыше. Она надежно прикрывала от наблюдения примерно три четверти заброшенного села. С нашего места можно было рассмотреть лишь верхнюю часть Чекурдаха – с десятков домишек, прилепившихся к горному склону у самой горловины ущелья.

– Тьфу, еб! – досадливо ругнулся я. – Вот еще не было печали! Н-н-н-да... Пошли, орлята, на ту сопку – оттуда будем наблюдать, – бросил я своим разведчикам и начал спускаться по обратному склону.

– Бо велел здесь находиться, – сообщил мне вдогон кто-то из бойцов. Я обернулся. Никто из троицы даже не симитировал попытку двинуться вслед за мной.

– Не понял! – Я угрожающе сдвинул брови. – Вы че, орлята, от рук офуели? Я сказал – вперед!

– Бо велел здесь находиться, – упрямо повторил веснушчатый рыжий крепыш. – Велел наблюдать. Отлучаться никуда не велел.

– Что ты заладил: «велел» да «велел»! – раздраженно буркнул я. – И потом – что это за Бо?! Командир роты тебе что – братишка, что ли? Для тебя он капитан Болдырев, салага!

– Бо велел на операциях называть его «Бо», – настырно заявил рыжий. – И вообще ко всем обращаться по кличкам, когда на операциях. Гусь, Ведро, подтвердите!

Товарищи рыжего синхронно кивнули.

– Может, вы просто еще не в курсе, товарищ лейтенант? – ехидно поинтересовался рыжий и замолк.

Я досадливо прикусил губу. Три пары прищуренных глаз с нескрываемым недоброжелательством смотрели на меня сверху. Вот так попал! Угу, угу... Ну и чего теперь делать? Возмущаться – глупо. Ротный действительно дал команду находиться на этой сопке. Дотошно объяснять, что для выполнения задачи иной раз необходимо творчески подходить к командам начальства – «потерять лицо». Сам ведь начальство. И потом – здорово задело самолюбие вот это «товарищ лейтенант». Дать бы гаду рыжему промеж глаз, да нельзя – прав он... Насчет распоряжения ротного по поводу кличек я был в курсе. За то время, что я валял дурака на Большой земле, мои соратники здесь успели вырасти в боевое братство со своим специфическим укладом и духом корпоративного неприятия посторонних. Успели обзавестись боевыми кличками – все до последнего солдата. Я напрасно надеялся, что, побывав в первом рейде, уравнился с ними. Это не так. Для них я по-прежнему «товарищ лейтенант» – посторонний я. Правда, офицеры роты насмешливо обзывают меня Профессором – за мои велеречивые измышления по различным поводам. Значит, если эта кличка закрепится, вскоре в рейдах меня будут звать Про: в боевой обстановке все длинные слова максимально сокращают, чтобы экономить время на их произношении, – так диктуют законы войны. Но мне еще предстоит заработать свою боевую кличку. Пока не сподобился. Очень, очень обидно!

– Ну и хрен с вами, шланги, – с безразличным видом бросил я, подавляя kloкочущее в груди негодование, – обойдусь как-нибудь и так. Я пошел. – Помахав троице ручкой, двинулся вниз по склону сопки.

– Бо велел сидеть здесь, – неуверенно пробормотал мне вслед рыжий, – всем велел!

– Вот и сидите, раз велел, – огрызнулся я. – Может, чего-нибудь высидите. А мне надо организовать наблюдение.

– Нельзя одному! – отчаянно зазвенел голос рыжего. – Без прикрытия нельзя, товарищ лейтенант! Ротный жопу на куски...

– Да пошел ты! – заглушил я рыжего. – Тоже мне, наставник нашелся! Заткнись себе в тряпочку и сиди где велели. Тьфу! «Велел», «велел»! – Махнув рукой в знак презрения к рыжему, я надал во все лопатки и вскоре был вне речевого контакта с троицей.

Перевалив через вершину сопки, я выбрал дерево потолще, спрятался за ним и начал себя успокаивать, одновременно наблюдая за местностью. Получалось даже хуже, нежели я предполагал. Помимо всего прочего, ротный втихаря приказал троице присматривать за мной. Иначе чем объяснить последнее отчаянное восклицание рыжего? Ай-я-яй, как нехорошо! Да что ж он – вообще за офицера меня не считает? Меня, такого крутого и навороченного, отличника-краснодипломника, стрелка-снайпера и рукопашника от винта! Ну, погоди, ротный! Я тебе докажу. Ты будешь об этом горько сожалеть – о своем недоверии. Ха! Без прикрытия нельзя...

Немного успокоившись, я принялся вникать в обстановку. С этой позиции Чекурдах просматривался не полностью – мешали небольшие холмы справа от распада. Но по крайней мере две трети села я мог видеть как на ладони.

Понапрягав зрение с минуту, я обнаружил две интересные вещи. Во-первых, в селе кто-то был. Из нескольких дворов, расположенных в нижней части, струились тонкие голубоватые дымки. Во-вторых, то место, где я находился, по всем параметрам годилось для универсального поста сторожевого охранения. Отсюда прекрасно просматривался распад, выходящий к селу, и почти три четверти подступов к ущелью. Будь я командиром гоблинов, обязательно поставил бы сюда сторожевой пост на три сектора. Плюс наблюдателя на пару десятков метров выше села по горному склону. Тогда к ущелью ни одна букашка не проползет незамеченно – не то что рота спецов.

– Хорошо, что гоблины – не профессиональные вояки, а бандиты, – глубокомысленно заметил я вслух. – А то, понимаешь, понавтыкали бы постов где... – Договорить не получилось. Я замер как вкопанный с разинутым ртом. Автомат вдруг стремительно выскочил у меня из рук и взвился ввысь, вдоль дубового ствола...

Ну вот, я приехал. Заруливаю в огромный двор, обнесенный трехметровым каменным забором. На заднем плане двора прилепился небольшой каменный же домик – комната для официальных приемов, кухня и спальня. Бо строится. Он уже два года строится – вон кирпичи и плиты гниют возле забора. Большой и добротный дом – это престиж. Бо прекрасно понимает это, но ему лень расстараться ради каких-то эфемерных высокопарных принципов. Он – дитя Азии, ценит в первую очередь то, что действительно необходимо для хорошей жизни. Например, хорошую еду, удобную одежду, красивых женщин и «уют-комфорт, тудым-судым», как он сам любит повторять.

Рядом с домом располагается добротная бревенчатая баня – почти такая же, как сам дом. В бане огромная застекленная веранда, устланная домоткаными половиками и уставленная кадковыми растениями, за которыми Бо сам старательно ухаживает – жене не доверяет. Когда Бо дома, он почти безвылазно находится там: здесь у него кабинет. Повсюду разбросаны цветные подушки, одеяла и книги – Бо обычно валяется на веранде и запоем читает, когда не надо заниматься делами. Да, этот толстый калмык действительно понимает толк в комфорте. Я бы тоже не отказался целыми днями валяться на прохладной веранде и общаться с классиками. Увы, каждому свое.

– Мендут, – махаю рукой, заметив бритую голову Бо.

– Сам такой, – отвечает Бо и тычет пальцем в сторону зеленой лужайки за домом: – Коржик сказал, что утопчет тебя сегодня на первой минуте.

На лужайке разминается Коржик. Этот парниша словно выкован из чугуна – атлет, каких поискать. Пожав Бо руку, я некоторое время стою и любуюсь красотой тела своего спарринг-партнера. Такие мышцы сделали бы честь любому атлетическому клубу – и все настоящее, на мясе и кашах, ни капельки химии.

Весит Коржик 90 кг, и мне с ним трудновато работать: разница в пять кило у бойцов одного класса дает тому, кто тяжелее, ощутимое преимущество. Меня спасает то, что я с

детства занимался у-шу – я буквально на четверть порядка гибче Коржика. Поэтому до сих пор еще не инвалид.

Бо пошутил, сообщив мне, что якобы Коржик заявил, что утопчет меня на первой минуте. Нет, не потому, что Коржик слабее – утоптать он действительно может, если очень пожелает. В группировке Бо нет более талантливого и техничного бойца. Вопрос не в том. Коржик не мог вообще ничего заявить. Он нем. Этот парниша воевал в Чечне вместе с Бо. Однажды он попал в плен к «духам» и скверно себя вел: всячески поносил чеченов, надеясь, что в ярости они быстро убьют его и не будут мучить. «Духи» оказались терпеливые – они не только вдумчиво пытали Коржика, но и отрезали ему язык.

Коржик – верный телохранитель Бо и, как я предполагаю, основной исполнитель некоторых особо деликатных поручений, которые неизбежны при такого рода деятельности.

Быстро натянув трико, перчатки и протекторы, я подхожу к Коржику и обнимаюсь с ним. Коржик ласково щерится – он меня любит и рад видеть в любое время. Потому что он фанат рукопашки, а, кроме меня, никто из группировки Бо не желает с ним спарринговаться. Когда Коржик входит в раж, он забывает, что идет тренировка, и начинает работать, как в реальном бою. В такие моменты я напоминаю ему о том, что мы тренируемся: крепко бью в лоб, отскакиваю назад и кричу: «Тпррр! Коняка!!!» Обычно это действует.

А вообще за два года совместных тренировок я в достаточной степени изучил все ухищрения Коржика, и иногда мне хочется попробовать что-нибудь новенькое. Но лучше в кругу моих знакомств дерется только Бо. А с ним я спарринговаться не желаю по двум причинам. Во-первых, этот толстый калмык весит сто двадцать кило. Во-вторых, я его боюсь. Разок я имел счастье лицезреть, как этот малый одними руками за пять секунд убил трех здоровенных мужиков, которые были вооружены до зубов. Именно одними руками – ногами в тот момент он пользоваться не мог...

...Итак, автомат самопроизвольно рванул ввысь, вдоль дубового ствола. Вот так чудеса! Это уже потом, спустя некоторое время, я постиг прописную истину: когда движешься по лесу один, автомат стволом вверх держать не надо! Таким вот макаром его надо держать при действиях в населенном пункте, где существует риск случайным выстрелом поразить постороннего. А в лесу оружие надо хранить прикладом под мышкой и цепко сжимать цевье левой рукой. Потому что в лесу это оружие могут запросто вырвать из рук. Или хлесткая ветка, или... или бородатый мужик с арканом, затаившийся на дереве.

Но постижение этой житейской мелочи, как и многих других, ей подобных, пришло позже, с опытом. А в тот раз я руководствовался исключительно личными впечатлениями, почерпнутыми из зарубежных боевиков. Там все герои таскали оружие стволами вверх, да в одной руке, и это выглядело очень круто!

Короче, бородатый мужик, засевший высоко на дереве, у которого я минут пять прохлаждался, сноровисто тащил мой автомат на веревке вверх. А я хлопал глазами, краснел отчего-то и наподобие астматика бестолково разевал рот.

– Хули смотришь, казель! – весело оскалился мужик, выудив автомат к себе на ветку. – Назадь сматры, рот закрой!

Резко обернувшись, я успел увидеть лишь чью-то противную бородатую харю и стремительно летевший мне навстречу деревянный приклад.

– Вот так ни фуя себе! – успело на прощание удивиться мое сознание. И моментально разлетелось вдребезги от мощного удара в голову.

Очнувшись, я обнаружил, что лежу в гордом одиночестве на деревянной лавке возле какого-то приземистого строения в центре села. Попытка встать успехом не увенчалась. Я был привязан к этой дурацкой лавке целым километром веревок. На груди у меня мирно покоились две гранаты «Ф-1». В одну из гранат был вкручен запал. Усики предохранитель-

ной чеки запала, при ближайшем рассмотрении, оказались разогнутыми, а к кольцу была привязана леска, тянувшаяся куда-то во двор.

«Вот это ты влип, Бакланов! – сумрачно зафиксировало не вполне оклемавшееся сознание. – Ай-я-яй! Нехорошо...»

Скосив глаза влево, я заметил, что из различных щелей близлежащих строений торчат автоматные стволы. Мне стало грустно. Грамотно, гады. Снайперы не достанут.

Скосив глаза влево, я обнаружил, что в «зеленке», по распадку, тоже торчат стволы. А еще я обнаружил, что к селу медленно идет ротный с высоко поднятыми руками. И вертит во все стороны ладонями, показывая, что у него нет оружия.

От лицемерия этой картинке мне стало совсем не по себе. Господи, какой позор! Да лучше умереть, чем такое терпеть! Взыв, как раненый зверь, я начал прилежно ерзать всем телом, чтобы упасть вместе с лавкой и взорваться к чертовой матери.

– Отдыхай, сволочь!!! – раздалось из близлежащего строения. – Отдыхай! А то сейчас твоя начальник застрелит на х... будим!

– Отдыхаю, отдыхаю, – пробормотал я, замирая и опасливо косясь на строение. – Не надо застрелить – я и так, пешком полежу.

– Маладэць, бляд! – одобрительно рявкнул грубый голос. – Настоящий муджик! Лижи как стаиць – все нищтяк будит!

– Эй, орлы! – крикнул Бо, приблизившись метров на двадцать. – Давай – берите меня! Пацана отпустите – он салага еще, ничего не соображает. Он никого не убил, не обидел – приехал лишь два дня назад. Я, я ваш враг! Ну?

– Бирьём, бирьём! – жизнерадостно отозвался грубый голос из строения. – Давай – хади назад, скажи свой солдат: пусть едит вниз, далина. Все шест бетээр едит. Пуст визет обратна глава администрация и старейшин пят-шест штук. Говорит тудым-судым будим. Там, гора, наш стаит – все видна! Бетээр шест штук – все должен быть внизу дывадцать минут. Солдат – тоже все внизу. Панятна?!

– Понятно, понятно, – согласно покивал головой Бо, – пацана отпустите...

– Тиха, бляд! – прервал ротного грубый. – Слюший дальше. Если дывадцать минут все не уехал вниз – убиваем пацан, тибя тоже на х... Хоть адын ветка шивьелит – тоже убиваем на х... Все. Дыва часа дня – старейшин и глава адмнистрация – зыдэс. Если нэт – будим застрелит на х... оба. Поньял?!

– Да понял я, понял, – Бо опять согласно покивал головой. – А пацана отпустите? Я останусь – вполне достаточно...

– Давай, быстро пошел! – раздраженно крикнул грубый – леска, тянувшаяся из гранатного кольца в строение, пару раз дернулась.

– Уже, уже! – успокаивающе помахал руками Бо и, смерив меня уничтожающим взглядом, торопливо зашагал к распадку.

Минут через пять он вернулся и, повинуясь команде из строения, лег на землю метрах в десяти от меня. Стволы в распадочной «зеленке» исчезли.

А еще минут через пятнадцать в строении ожила рация и залопотала что-то на местном диалекте. Гоблины повылезали из всех щелей, радостно гомоня и обнимаясь, – праздновали победу.

Ротного связали по рукам-ногам, меня лишили такого чудесного предмета туалета, как сопряженные оборонительные гранаты, и нас обоих утащили в саманный домишко, находящийся посреди села на некотором возвышении.

Пока нас тащили, я успел заметить, что позиции гоблинов оборудованы аккуратно вокруг этого домика: все строения, расположенные на удалении до двадцати пяти – тридцати метров, носили характерные черты подготовки к обороне: типа проломов у фундамента, окопчиков, приправленных мешками с песком, и так далее. Значит, гоблины заранее планировали

отловить заложников и вести переговоры с вражьей стороной, поместив плененных в центр своего опорного пункта. И у них все получилось. Ой, как обидно-то, а! Осталось еще мелом написать на стене дома: «Здесь находится офицер спецназа лейтенант Бакланов, который по преступной халатности попал в заложники к бандитам!» – и пригласить телевидение, чтобы на всю страну освещали торги между гоблинами и старейшинами. Чтобы все узнали, какое чмо этот самый Бакланов, призванный как раз для разоружения НВФ и освобождения заложников. Где?! Где мой пистолет с одним патроном?!

«Заложьнык зыдэс!!!» – прочел я корявую надпись углем на мелованной стене дома, когда нас подтащили поближе. Здоровенную такую надпись, видимую минимум с расстояния километра.

– Молодцы, гоблины! – похвалил боевиков ротный, когда нас бросили в домик, оказавшийся изнутри обычным сараем, и оставили одних.

– Если что – сарай как раз в центре. Любая пуля прошьет навывлет через обе стены. И надпись... Молодцы.

Я молчал, радуясь, что полумрак в сарае скрадывает черты моего лица и избавляет от необходимости встречаться с ротным взглядом. Было мучительно стыдно. Даже если нас благополучно обменяют на отловленных накануне гоблинов, мне не быть в спецназе. После таких залепух не держат даже в обычном подразделении, а уж у нас – будьте покойны, вышибут одним презрением.

– Что молчишь, лейтенант? – поинтересовался Бо. – Язык не отрезали?

– Стыдно, – еле слышно пробормотал я. – Ой как стыдно! Застрелюсь.

– Да ну, брось ты! – насмешливо проговорил Бо. – Ты молодой, вся жизнь впереди. Еще наворотишь кучу полезных делов. А насчет стреляться – нету же у тебя ничего! Чем стреляться будешь? Ась?

– Как выберемся отсюда, так и застрелюсь, – упрямо пробурчал я. – Не потерплю позора. Лучше смерть, чем бесчестье!

– О как! – Бо озадаченно крикнул. – Ну и дурак ты, лейтенант. А впрочем, есть у тебя одна рациональная мыслишка – насчет выбраться. Давай на ней пока и остановимся. Сейчас развяжемся и пойдем отсюда.

– Как это «развяжемся»? – удивился я. – Да на мне с километр веревок!

– А вот, – Бо завожился в своем углу и чем-то щелкнул. Поморгав, я адаптировал зрение и с удивлением обнаружил у него в руках пружинный нож эковской работы. – Эти индюки даже по-человечьи обыскать меня не сумели, – пояснил Бо. – Я в принципе другой вариант заготовил – более трудоемкий. Думал, нож отнимут. Ну, раз уж такие нерадивые попались – будем быстро развязываться. – И начал перерезать веревки, связывающие его ноги.

– Даже руки не догадались сзади связать, – сожалеюще пробормотал Бо, заканчивая разрезать свои путы. – Так просто все! Сейчас я тебя обслужу, а ты мне руки развяжешь, – Бо встал и направился ко мне.

В этот момент дверь сарая резко распахнулась. В дверном проеме стояли два здоровенных бородача с автоматами и шурились со света, пытаясь нас рассмотреть.

Бо аккуратно сел у стены и спрятал ноги под лавку.

– Смотри, э! – удивился один из гоблинов. – Кенгурю, э! Ноги завязан, а он пригает!

Второй гoblin оказался более наблюдательным. Поглазев несколько секунд на Бо, он присвистнул и что-то крикнул, обернувшись назад.

Через короткий промежуток времени четыре гоблина, ворвавшиеся с улицы, методично пинали Бо ногами, покрикивая от возбуждения. По лицу, впрочем, они старались не попадать – видимо, на этот счет их старший дал соответствующее распоряжение. Сам старший – приземистый дядька в возрасте – стоял у входа и играл с отнятым у Бо ножом, наблюдая за экзекуцией.

– Хорош, бляд! – распорядился он, прескучив любоваться избиением. – Это вам урок, казель! – и коротко буркнул что-то своим соратникам.

Гоблины сноровисто раздели нас с ротным и оставили в одних труселях. Делали они это в два приема: освободили ноги, сняли штаны, приспустили трусы до щиколоток, затем освободили руки, сняли куртки и майки, после чего вновь завязали руки.

Когда с меня стащили трусы, я отчаянно задержался и зарычал, аки раненый слон.

– Стой, как лижишь, бляд! – возмутился один из гоблинов, отвесив мне смачную затрепину, и успокоил: – Твоей жеп нам не нада, казель! Он грязны, как чюшкя! Ибат такой вредна! – И все эти уроды довольно заржали, повергая в прах мое и без того растоптанное самолюбие.

Помнится, тогда я подумал: как страшно, должно быть, славянской женщине попасть в руки таких вот тварей. Ведь это же зверье, натуральное зверье без тормозов! Если с меня, мужика со стальными мышцами, стаскивают трусы и я чувствую себя в этот момент беспомощным и слабым, то как же молодая женщина? Что она чувствует, когда такие вот красавчики ловят ее где-нибудь на улице и тащат в укромное местечко? Ужас какой – прямо хоть застрелись!

Да, тогда я вот такие сумрачные вещи себе представил. Если б я знал! Если б я знал, что спустя несколько лет вот такие же гоблины в моем городе поймут мою женщину и несколько часов подряд будут развлекаться с ней.

– Ти острый каминь хадиль! – сообщил нам старший гоблин, жестом приказав своим бойцам не связывать Бо ноги. – Оччинь, сабсэм острый! – и довольно ухмыльнулся, коротко скомандовав что-то на своем языке.

Четверо перевернули Бо на живот. Один из них сел ему на спину, другие вцепились в ноги и вывернули их ступнями вверх. Подмигнув мне, старший гоблин поудобнее перехватил отнятый нож и на пол-лезвия засадил его в пятку Бо!

Я невольно вскрикнул. Нет, знал я, что это изверги, каких свет не видывал, бойцы успели порассказать про вспоротые животы, засыпанные землей, и отрезанные головы. Но чтобы вот так...

Бо глухо застонал, приходя в себя. Гоблин вытащил нож, полюбовался своей работой и начал методично тыкать им в ступни Бо. Я безотрывно следил за его движениями. Двенадцать раз. Он засадил лезвие ножа в ступни Бо двенадцать раз – по шесть в каждую. Бо молчал – наверное, от боли потерял сознание.

– Вязать нэ буду, – сообщил мне старший гоблин, закончив свое мерзкое дело и делая знак, чтобы отпустили ноги Бо. – Такой не ходыт. Сабсэм, воаобще нэ ходыт!

Они ушли, закрыв за собой дверь. Тянулись минуты. Я молча плакал, глядя на Бо. Нет, я не истерик и не тряпка. Просто я совершил глупость, и из-за этой глупости здоровый мужик Бо сейчас лежал в одних трусах, связанный, на грязном полу, избитый до полусмерти, с израненными, кровоточащими ногами. А я не мог ничем помочь ему. Даже тряпку к ступням не мог приложить.

Через некоторое время Бо пришел в себя и спросил, который час. Как ни странно, голос его звучал ровно – разве что чуть тише, чем обычно.

– Отобрали часы, – сообщил я, – все отобрали. Да и потом – какая разница? Какая разница, сколько времени? Когда обменяют – узнаем.

– Да нет, лейтенант, разница есть, – возразил Бо и, кряхтя натужно, ерзая на спине, пополз к двери. – Щас посмотрим.

Подобравшись к двери, Бо приложился щекой к полу и некоторое время чего-то рассматривал через щель. Затем он активно поерзал ко мне, приговаривая:

– Щас, щас, малыш. Судя по теням, что-то около половины, ну, может, без двадцати двенадцать. Щас развяжем тебя и – вперед. Щас...

– Да нет, хватит уж! – воспротивился я. – Один раз уже развязались. Минимум месяц теперь ходить не сможете! И потом – как вы хотите развязать?

– Я теперь вообще не ходок, – согласился Бо, подобравшись к моей лавке вплотную, – но развязать тебя смогу. Смотри, – он задвигал щеками, как хомяк, и я с удивлением увидел, как между его губами показалось лезвие бритвы.

– Это тот, второй вариант, – процедил Бо сквозь стиснутые зубы. – Я буду пилить твои путы, а ты смотри в оба за дверью. Внимательно смотри! А то в этот раз эти козлики мне имплантируют в очко твои уши! По логике ихней как раз такая очередность должна быть...

– Глупости творите, – разглагольствовал я, слушая, как возится под лавкой ротный, периодически постанывая от боли, – ничего это не изменит. Лучше бы подождали до двух часов – там все решилось бы. Кому нужно это геройство? Мало вам ноги изуродовали?

– Молчи, лейтенант, дай поработать спокойно, – зло прервал меня ротный и более не проронил ни звука.

Через несколько минут я смог освободиться от пут и разрезал веревки на руках Бо. Мосты были сожжены – теперь нужно было действовать.

– Теперь надо быстро, – сказал Бо и, рассмотрев в полумраке мою кислую физиономию, подбодрил: – Да ты не кисни, лейтенант! Двести метров по селу, между домами, а там – ущелье. Стремительный рывок – они даже «мама» сказать не успеют! Ты должен успеть до двенадцати – потом, боюсь, поздно будет.

– Не нравится мне все это, – упрямо набычился я. – Во-первых, я не вижу смысла в этом дурацком побеге. Обмен все равно будет – вы-то здесь остаетесь. А они, кстати, за мое бегство могут вам чего-нибудь отрезать – сами говорите. И второе: почему это я должен успеть до двенадцати? А в двенадцать что – светопреставление начнется?

– Никаких переговоров не будет, малыш, – сообщил Бо, с шумом засосав воздух через стиснутые зубы, – какие, в жопу, переговоры с этими ублюдками? В 12.00 этот богом забытый аул начнут планомерно стирать с лица земли. Ты заметил, как наша халупа расположена? Она пострадает в первую очередь, будь спокоен. Так что тебе надо успеть убраться отсюда до начала этой кутерьмы.

– Не понял! – взвился я. – А как же старейшины, переговоры? Наши же уехали за ними...

– Уехали бэтээры, – пояснил Бо терпеливо, как неразумному ребенку, – в каждом – наводчик и водила. А на броне прищипандорены «комки», набитые ветками, – для наглядности. А наши щас в одних трусах подползают на рубежи наиболее действенного огня из «РПГ». Очень, очень медленно и осторожно подползают – поэтому раньше двенадцати они ну никак не уложатся. А уж в 12.00 – будь спок, здесь действительно начнется светопреставление. Так что – тебе надо успеть...

– Да вот уж хера вам, капитан! – Я злорадно покрутил кукиш перед носом Бо. – Пока наши не увидят, что мы оба удрали, они никуда не дернутся! Я понял! Я все понял – че вы меня за дурака держите! Вы дали команду: как только мы убираемся из села, наши начинают мочить. Дураку ясно. Но произошли непредвиденные обстоятельства – ваши ноги. Значит, что? Никакого штурма не будет! Давайте, в задницу, аккуратно завяжемся обратно и спокойно переждем до приезда старейшин...

– Да ты совсем плохой, лейтенант! – Бо сожалеюще покачал головой. – Ни хера ты не понял! В долину за старейшинами никто не поехал. Какой обмен, парень! Два офицера спецназа взяты в заложники. А? Позор! И их меняют на гоблинов? Да лучше сразу застрелиться! А насчет штурма... Он железно будет, малыш. Независимо от нашего местонахождения. И если нас не завалят наши, то уж гоблины обязательно порежут на кусочки – будь спок.

– Почему? – отчаянно спросил я. – Почему штурм? Ведь мы-то здесь! Неужели наши нас и...

– Потому что я так сказал, – жестко оборвал меня Бо. – Это война, малыш. Ты мало побыл тут – еще не успел въехать во все... Штурм будет. И хватит об этом. Давай – присмотришься через щель к обстановке. Надо тебе дергать отсюда – с минуты на минуту начнется...

– Ах ты, сволочь узкоглазая! – чуть ли не навзрыд прошипел я. – Ну фуля ты бздишь: «присмотришься!», «дергать». Знаешь ведь прекрасно, что не брошу тебя тут! Закон спецназа – с операции приходят все или никто! Если я выберусь отсюда один, меня никто не поймет!

– Ага, – согласился Бо. – Спасибо, малыш. За сволочь узкоглазую...

Бо – калмык. И хотя он совсем не узкоглазый, в минуту отчаяния именно это словечко соскочило с языка – даже и не знаю почему. Наследие предков, что ли.

Попереживав пару минут, я успокоился. Чего уж теперь... Однако перед лицом смерти нехорошо оскорблять боевого брата. Пусть даже он и совершил весьма странный, с точки зрения цивилизованного человека, поступок: заочно, не спросив тебя, распорядился твоей участью. Тем более этот брат добровольно пришел, чтобы разделить с тобой эту самую участь, и даже предпринимает какие-то идиотские попытки спасти тебя.

– Извини... Извините, командир, – пробормотал я, смахнув украдкой слезу. – Вырвалось, не знаю даже...

– Ничего, бывает, – Бо неожиданно ухмыльнулся. – Это наследие предков. Мои предки почти триста лет твоими помыкали как хотели. У славянской нации в генах извечная злоба заложена к азиатам. Так вроде бы все нормально, а как ссориться с кем-нибудь начинают – обязательно узкоглазыми обзывают. Ниче, это пройдет со временем. Лет через триста-пятьсот.

Бо на несколько секунд замолк – было слышно его свистящее дыхание с натугой на выдохе. Продышавшись, он вдруг как будто умоляюще попросил:

– Слушай, лейтенант, я тебя очень прошу! Убирайся отсюда, а!

– Послушайте, какое вам дело до меня?! – мягко возразил я. – Некуда мне убираться! Что я объясню? Что бросил вас, потому что вы об этом попросили? Ну уж нет – отсюда мне дорога одна.

– Необязательно возвращаться к нашим, – вдруг выдал Бо. – Мир огромен! Ты молод, здоров, умен не по годам – недаром Профессором дразнят. Дергай отсюда и уматывай куда глаза глядят. Тысячи людей живут на нелегальном положении. При нынешней неразберихе у тебя есть все шансы начать жизнь заново. И какую жизнь! Судя по твоим параметрам, ты далеко пойдешь...

– Чушь! – с возмущением оборвал я неожиданно созревшего философа. – Какая чушь! И потом – что это за странное желание спасти постороннего человека? А? Кто я вам?

– Ты мне не посторонний, – тихо сказал Бо. – Ты мне боевой брат, Бакланов. И ты меня очень порадует, если спасешься. Гоблины на говно от злости изойдут! Я буду здорово потешаться, если так получится. Ну! Я тебя очень прошу!

– Ну, посмотрим, – неуверенно пробормотал я, подходя к двери и пристраиваясь поудобнее у щели, – посмотрим – может, чего-нибудь и получится...

Во дворе, у глиняной печи с открытым верхом, мирно пили чай четверо наших часовых. Они лениво переговаривались и даже не смотрели в нашу сторону. Правильно – я бы тоже не смотрел, если бы знал, что в сарае один пленник намертво прикручен к лавке, а второй не в состоянии шагу ступить.

– Четверо, – я обернулся к Бо и показал ему четыре пальца. – Их там аж четверо! Ни хера не получается, капитан! Придется...

– Их там всего четверо, – невозмутимо оборвал меня Бо. – Четверо бандитов, которые не ожидают нападения. Забор – полтора метра, так что из соседних дворов не видно. Выйди, тихо убей их и уматывай.

– Ну вы скажете! – возмутился я и слегка замялся. – Я это... Ну, я еще никого не убивал вот так... Ну, я вообще еще никогда никого не убивал!

– Вот это пробел в твоём воспитании! – хмыкнул Бо и поинтересовался: – Как они сидят?

– Один слева – если от нас идти, а трое – на противоположной стороне, рядом друг с другом. Очень неудобно.

– Нет, напротив – как раз все удобно, – возразил Бо, – очень удобно. Давай вот что: возьми меня на закорки, хорошенько разгонись и выскакивай во двор. Давай!

– Зачем? – удивился я. – Зачем на закорки?

– Бросишь меня на тех, что трое, задавишь того, что один, и ходу. А с этими тремя я развлекусь напоследок.

– Как это брось? – спросил я. – Вам же будет больно!

– Пф-ф-ф-ф! – Бо презрительно фыркнул. – Больно! Я солдат. И потом – я все равно скоро умру. Ну!

Я взвалил грузное тело ротного на плечи и несколько секунд топтался на месте, разминая мышцы. Адаптировавшись к нагрузке, я разогнался, долбанул ногой в дверь и вывалился во двор.

Гоблины, сидевшие у печи, оторопело разинули рты. Рывком сбросив Бо на троих, сидящих справа, я повалился на одиночного левого бородача и вцепился обеими руками в его горло.

Что в тот момент происходило вокруг, я не видел – все было как в тумане. Во-первых, я ослеп от яркого света, выскочив из темного сарая. Во-вторых, это был первый реальный противник, которого мне пришлось брать в рукопашной схватке. Брать практически без подготовки, с ходу. Из головы вдруг куда-то вылетели все хитрые приемы, которые я оттачивал в течение многих лет, все точные удары и комбинации. Задавить! Во мне жило одно стремление – душить гада до тех пор, пока не перестанет трепыхаться. Это был первый. Первый враг, попавшийся мне в руки на поле боя.

Когда тело гоблина обмякло, я отпустил его горло и вернулся в реальную обстановку. Вокруг было тихо. Бо, возлежавший на каком-то бревне, максимально вытянув шею, вертел башкой на все триста шестьдесят градусов – высматривал, не обнаружил ли кто нашей эскапады. Три его клиента распростерлись рядышком, не подавая признаков жизни. Шеи у них были неестественно вывернуты набок.

– Этого я в висок долбанул, – пояснил Бо, заметив, что я от удивления разинул рот. – А шею – на всякий пожарный. Для закрепления. Давай – закрой рот и одевайся. А то шас хватятся – шуму-то будет!

Помотав головой, я вернул ясность панорамы. Как во сне, принялся раздевать поверженного мной гоблина. Он слабо шевельнулся и застонал.

– Не додушил! – укоризненно прошептал Бо. – Ну ты даешь, Профессор! Пожалел, что ли? Давай, давай – шевелись! А я автоматы заберу и поползу в сарай...

Согласно промывав что-то нечленораздельное, я вдруг чуть не подпрыгнул от внезапно посетившей меня мысли. А ну-ка, ну-ка... Быстро обрядившись в «комок» гоблина, я вытащил из ножен его кинжал.

– Цирюльня открыта! – торжественно провозгласил я и принялся быстро сбрасывать с головы своего клиента могучую растительность.

– Э, э, лейтенант! Ты че – совсем е...нулся?! – озабоченно пробормотал Бо, тыкая мне под нос часы одного из убитых гоблинов. – Три минуты! У тебя осталось три минуты! Брось этого ишака – дергай отсюда!

– Я придумал, как нам спастись обоим, – сказал я, продолжая сосредоточенно брить гоблина.

– Ну не дуркуй ты, а! – отчаянно зашептал Бо. – Ну смотри: через село – двести метров. Я вешу сто двадцать кэгэ. Если ты меня потащишь – выдохнешься намертво уже к концу первой сотни. А к концу первой сотни они как раз чухнут и не спеша сделают из нас обоих дуршлаг! Ну...

– Я их отвлеку, – невозмутимо заявил я, заканчивая бритье. – Отвлеку очень сильно.

– Как?! Как ты их отвлечешь, идиот?! – горько спросил Бо. – Голую жопу покажешь?

– Голого гоблина, – уточнил я и принялся тереть уши свежесбритому клиенту. Приведя его в чувство, я склонился близко к его лицу и пояснил:

– Мы перебили всех твоих корешей, чмо. Даю тебе двадцать секунд. Бежишь как можешь быстро и не оглядываешься. Оглянешься – очередь в спину. Остановишься – тоже очередь. Бежишь отсюда до распадка. Понял?

Гоблин ошарашенно вытаращился на меня и проблеял: «Э-э-э?!» Для тех, кто не в курсе, поясню: когда человека «усыпляют» подобным образом – передавливая сонные артерии, – он, очухавшись, не может вспомнить, что с ним только что было. Как правило, длится это недолго – от тридцати секунд до трех минут, в зависимости от индивидуальных особенностей организма. Этакая кратковременная амнезия. Так вот, в этот промежуток времени любая вновь поданная информация воспринимается необычайно свежо и остро.

– Отсюда до распадка – бегом, – с нажимом прошипел я в свежесрезанное лицо гоблина, – иначе стреляем в спину. – И, залепив ему смачную пощечину, рывкнул в ухо: – Пошел!

Вскочив как встрепанный, гоблин во всю прыть ломанулся к распадку, пригнув голову к груди и высоко вскидывая ноги. Если бы не трагизм ситуации, я бы здорово посмеялся. Три минуты назад этот парниша, как и все его братья-гоблины, выглядел очень круто и солидно: окладистая борода, шевелюра, перевязанная зеленой лентой, новый «комок» с разгрузкой и вообще... А сейчас он улепетывал, как заяц-переросток, высокий, нескладный, гололицый, лысый, в трусах – короче, похожий на новобранца, удравшего с призывного пункта. Или на одного из пленных офицеров, раздетых до трусов...

Гоблины переполошились. Они выбегали из всех своих укрытий, орали что-то во все горло, улюлюкали и пускались вслед за убегавшим. Некоторые вскидывали автоматы вверх и давали короткие очереди в небо, залиvisto хохоча, когда бегун пригибал при этом голову и делал петли наподобие лисицы. На наш двор никто обратить внимание не пожелал.

– А теперь нам действительно пора, – сообщил я ротному, вешая на грудь автомат одного из убитых и принаравливаясь, как бы лучше взвалить на плечи своего командира.

– Пошел! Быстро пошел сам! – сердито крикнул Бо, отталкивая меня. – Не утащишь!

Секунду помешкав, я изобразил гримасу печали и навзрыд произнес:

– Дай хоть обнять тебя, командир! Прощай!

– Даю! Прощаю! – буркнул Бо и раскрыл объятия, отвернув лицо – видимо, скупая мужская слеза таки высочилась из его безжалостных глаз.

Раз-з! Я крепко щелкнул ротного кулаком в подбородок и для верности тут же добавил сверху по черепу. Голова Бо безвольно свесилась набок.

– Так-то лучше, родной ты мой! – пробормотал я и, взвалив ротного на плечи, припустил трусцой к ущелью, изо всех сил стараясь не спотыкаться – а это хана!

Бо оказался прав. Едва ли сотню шагов удалось мне преодолеть по селу, шараясь от строения к строению, до того момента, когда гоблины расчихали мой трюк. Они разом взвыли и, как по команде, лупанули по нам из всех стволов, что были под руками.

Я тоже взвыл, как койот (это такая скотина там, в Америке – в ихних книгах пишут, что сильно воет, гад!), и надал что было сил. Ущелье было в каких-нибудь ста метрах! Ну, еще чуть-чуть! Забежав за какой-то бугорок, я споткнулся и во весь рост растянулся на земле, да еще оказался придавлен сверху грузной тушей Бо.

«Все, Бакланов, все! – заорал кто-то в голове противным голосом. – Стреляйся на хер! Щас прибегут и очко на башку натягивать будут! Щас!»

Тоскливо бросив взгляд на вход в ущелье – каких-нибудь шестьдесят-семьдесят шажков! – Я скрипнул зубами и изготовился с автоматом для стрельбы лежа. Живым не дамся!

В этот момент из распадка с шипением стартовали разом как минимум два десятка выстрелов из противотанковых гранатометов. А спустя три секунды шарахнуло так, что я намертво потерял способность различать вообще какие-либо звуки. Взвалив Бо на плечи, я не спеша направился к ущелью, периодически оборачиваясь, чтобы посмотреть, чем там занимаются гоблины.

За нами никто не бежал. Им всем было немного не до того. Село встало дыбом: крыши саманных домишек перемешались с разлетающимися в разные стороны стенами вагонов-бытовок, горами камней и какими-то окровавленными тряпками. Слышно ничего не было – ровный оглушительный звон стоял в голове. Зато все прекрасно было видно. Бо меня не обманывал. Село методично и грамотно стирали с лица земли. Залпы из распадка следовали один за другим, подымая каждый раз новые груды каменного крошева, стройматериалов и человеческой плоти.

Под аккомпанемент гранатометных залпов я ввалился в ущелье и рухнул на камни. А дальше было так: горело село, из распадка выскакивали обнаженные фигурки, экономно поливая свинцом в своих секторах... Впрочем, это вы уже знаете...

Набарахтавшись с Коржиком до красных кругов перед глазами и страшной ломоты в суставах, мы идем в баню, где уже вовсю парится Бо. Он может валяться в парилке по полчаса и вовсе не из духа состязательности. Бо все делает в кайф, что называется. Его могучий организм воспринимает такую нагрузку как удовольствие. Я, например, минут через десять уползаю из парилки и остываю целую вечность в маленьком бассейне, заглубленном в пол предбанника. А этот толстяк все лежит и лежит себе, пузо шерстяной варежкой почесывает.

После бани мне сделают массаж специально приглашенные мастера из центра нетрадиционной медицины – это подарок Бо, который данный центр держит под «крышей». Он знает, что я от вдумчивого массажа получаю больше удовольствия, чем от двенадцати с половиной оргазмов кряду. Эти мастера настолько искусны, что к концу сеанса я улетаю в заоблачную даль и долго не желаю возвращаться на грешную землю.

Однако возвратиться стоит. До полной релаксации далеко. Еще предстоит вечер на веранде, наедине с Бо и немым Коржиком. Хорошая водка, умеренная закуска и неспешные разговоры о чем попало – без подвохов и подоплек. С Бо можно говорить обо всем. Он – это я, я – это он. Потому что мы – боевые братья. Это дано понять не каждому.

Вот такое мероприятие я называю полной релаксацией. Жизнь, конечно, грязная и хлопотная штука, она требует порой страшно напрягать интеллект и мускулы, но ради таких деньков стоит жить. Или, если быть точнее, не будь Бо, его бани, Коржика и массажистов из центра, не стоило бы и жить...

Глава 5

В понедельник хоронили Гнилова. Следуя за Доном рядом с Оксаной и Славой Завалеевым, я украдкой рассматривал присутствующих и мрачно размышлял о превратностях судеб сильных мира сего. Да, уже не раз мне приходилось убеждаться, что прижизненное величие на самом деле не что иное, как фантом. Иначе говоря, величие это кажущееся. Совокупный результат активных телодвижений и потуг, нацеленных на создание какого-то имиджа, для индивида наиболее привлекательного. Пока индивид мечется туда-сюда, влияет на окружающих и делает свое дело, он обладает какой-то значимостью. Но, как только деятельность прекращается, значимость автоматически сходит на нет, будто индивидом в природе вообще и не пахло.

Особенно отчетливо эта истина постигается перед ликом смерти. Гы-гы-гы... Оказывается, тело вице-президента могущественной фирмы ничем не отличается от тела презренного бомжа, убитого накануне собутыльником в пьяной драке. Отличие лишь в том, что у вице-президента четыре небольшие дырочки в грудной клетке, а у бомжа таких дырочек нет – у него череп разmozжен тупым предметом. А еще на ногах у бомжа ногти гораздо длиннее. Да, длинные такие ногти, грязно-желтого колера, закрученные вниз. Именно на них я обратил внимание, когда мы с Доном приехали на опознание.

В секционном зале было два стола. На одном лежал Ник-Ник, а на другом – этот бомж. Столы стояли рядышком, и покойники располагались ступнями ко входу. Поэтому сразу определить, кто есть ху, было затруднительно. Оба голые, оба желтоватые какие-то и как будто совсем одинаковые на первый взгляд. Вот только ногти... Глянув на них, можно было сразу сказать, что таких ногтей у холеного барчука Гнилова быть не могло ни при каких обстоятельствах!

Честно говоря, для меня это опознание было ударом. Не ожидал я, что спустя два часа после завершения акции Гнилов – Цилин ко мне домой заявится убитый горем патрон и попросит прокатиться с ним на кафедру патанатомии.

Нет, сам факт того, что шеф попросил меня поехать с ним, неожиданностью не был. В любой нестандартной ситуации ему нужна нянька с крепким плечом, на которое он может в любой момент упасть в обморок. Я то бишь.

Ошеломило то, что на опознание пригласили именно Дона. Вот идиоты! Обычно это малоприятное занятие является прерогативой близких родственников. Увы, близких родственников, желающих опознавать Ник-Ника, в радиусе моторольно-пейджинговой связи Новотопчинска не оказалось...

Итак, от убитого в пьяной драке бомжа вице-президента фирмы отличали лишь несимметрично расположенные дырки в груди и отсутствие на пальцах ног желтых заскорузлых ногтей, загибающихся книзу. В остальном они были одинаковы. Как и бомж, Ник-Ник оказался не нужен никому из близких.

На кафедре патанатомии Новотопчинского мединститута Ник-Ник пробыл два часа. Обстоятельства убийства были настолько очевидны, что эксперт, выписывающий справку, не счел нужным производить вскрытие. Затем тело отправили в морг областной поликлиники, а близким сообщили, что они могут забрать Ник-Ника домой. Вот тут вышла некоторая заминка.

Молодая жена Гнилова, узнав, при каких обстоятельствах ее супруг свел счеты с жизнью, встала на дыбы. Она наотрез отказалась забрать тело, заявив, что после такого позора не потерпит этого мерзавца под крышей своего дома (дом был действительно записан на ее имя – бдительный Ник-Ник перестраховался). Эта красотуля, кстати говоря, чуть ранее так

же категорично отказалась явиться на опознание. У нее, дескать, от столь ужасного зрелища может случиться сердечный приступ.

Сын Гнилова – молодой делокрут межрегионального разряда – также отказался взять тело отца к себе домой. Он в это время был где-то на конгрессе – то ли в Патагонии, то ли в Бирюлеве, – и когда его супруга позвонила туда и спросила: а не забрать ли свекра? – делокрут возмутился: «Да как ты можешь, Оленька! У нас же дома пятилетний ребенок! Это же такая психическая травма для неокрепшего сознания мальчика! Нет, нет – пусть они там сами. Ну, фирма эта его. Пусть...»

И на опознание пришлось ехать Дону. Затем ребята из бюро ритуальных услуг обслужили Ник-Ника по первому разряду, и до понедельника он лежал в роскошном позументированном гробу в конференц-зале головного офиса. Фирма же взяла на себя похоронные расходы. Дон не пожалел средств для того, чтобы достойно проводить своего ближайшего соратника в последний путь.

На похороны съехались практически все более-менее значимые персоны областного шиша. Из местной мафии, в частности, присутствовали: губернатор с очередной молодой женой, мэр города, прокурор области, начальник УВД, новотопчинский вор Пахом с немногочисленной свитой, главари бандитских группировок и еще целая плеяда не менее уважаемых деятелей каких-то там отраслей как в законной сфере, так и наоборот.

Из тех, кому положено, на похоронах не было лишь молодой вдовы и сына покойного, который так и не удосужился бросить к известной матери свой долбаный конгресс и примчаться домой, чтобы в последний раз припасть челом к холодным рукам отца. И это отсутствие, внешне вроде бы незаметное, накладывало на всю торжественную церемонию отпечаток какой-то незавершенности. Какой-то убогости, что ли...

Ник-Ника можно было пожалеть. Поистине, сколь бы высоко ни вознесся ты, каким бы огромным состоянием ни владел, но если после смерти для тебя не нашлось места в собственном доме и доме твоих детей... Чем, в таком случае, ты лучше безымянного бомжа? Того тоже похоронили за казенный счет. Правда, без процессии и монументального надгробия – ну так что же? Вы равны пред ликом смерти! Тела ваши сгниют и рассыплются в прах одновременно. Даже нет – бомж скорее всего протянет гораздо дольше, если вообще не удостоится самопроизвольной мумификации. Потому что в отличие от Ник-Ника он в большом количестве употреблял прескверные горячительные напитки, которые основательно пропитали все его клетки. Вы одинаковы. Очень, очень обидно...

– Эх и не вовремя же ты, Николаша! – горестно пробормотал Дон, когда гроб миновал чугунную кладбищенскую ограду. – Мог бы годик-другой подождать... – И украдкой покопался на нас с Оксаной. Как-то мы восприняли вроде бы искреннее проявление его скорби?

Мы восприняли. Оксана поравнялась с патроном и взяла его под руку – старый половой разбойник тотчас же прижал плотнее локоть к ее боку. Я тоже поравнялся с шефом, но брать его под локоток не стал, а лишь красноречиво вздохнул, показывая, что разделяю его горе в полной мере и все прекрасно понимаю.

Отношение Дона к внезапной кончине вице было двойственным. Как лицо, максимально приближенное к персоне, я прекрасно понимал эту двойственность и в определенной степени даже сочувствовал шефу. Как лицо, явившееся причиной всей этой истории, я отчетливо осознавал, что для Дона данный исход в сложившейся ситуации – как ни кощунственно это будет звучать – чуть ли не наиболее оптимальное разрешение кое-каких проблем, возникших за последний период в их с Ник-Ником совместной деятельности.

Если в день гибели Гнилова Дон был ошеломлен и подавлен, то сегодня он выглядел вполне свежо и элегантно. Я бы даже сказал, что у шефа проклевывалось бойцовское настроение: по дороге на кладбище он, забывшись, начал насвистывать «Вальс-фантазию» Глинки, отбивая пальцами такт по обшивке двери «Линкольна». Дело в том, что «Вальс-фантазия»

сквозь зубы во все времена свидетельствовал о напряженной работе мысли патрона, характерной для обдумывания какой-нибудь хитроумной многоходовой комбинации или сногсшибательной аферы... К горестной подавленности и тотальному смятению чувств мелодия Глинки не имела никакого отношения. Все товарищи из близкого окружения прекрасно об этом знали. Вот поэтому мы и переглянулись многозначительно со Славой Завалеевым – начальником СБ, расположившимся между мной и Оксаной на заднем сиденье «Линкольна». Чего-то там себе гоняет старикашка!

Шеф заметил этот перегляд в зеркало и смутился: начал откашливаться и сморкаться, пряча лицо в гигантский носовой платок, приобретенный накануне специально для похорон.

С одной стороны, потеря Гнилова была для Дона страшным ударом. Ник-Ник – деловар божьей милостью – держал в своих руках целый ворох административных вопросов, которые, кроме него, никто не мог решить.

– Придется минимум на пару месяцев все бросить в задницу и конкретно засучить рукава, – пожаловался Дон вчера за ужином. – Вот не было печали! Так славно все шло...

Действительно, в последнее время дела фирмы обстояли как нельзя лучше. «Даная» (так именуется наше учреждение) владела монополией на производство, обработку и реализацию всей областной сельхозпродукции. Те сорок процентов оборота, что не удавалось реализовать в пределах области, благополучно сплавляли в другие регионы и даже за рубеж. Можно без ложной скромности заявить, что минимум треть населения страны пьет наш кефир, молоко и то, что из него получается. Трескает наше мясо, колбасы, сосиски, окорока, маринады и полуфабрикаты из всякой всячины, что до поры до времени безбедно пасется на обширных просторах наших фермерских угодий, оборудованных по последнему слову еврауки.

Фирма насчитывала в своем составе что-то около пяти тысяч сотрудников, трудившихся в поте лица как в Новотопчинской области, так и в одиннадцати филиалах, размещавшихся в других регионах. В общем – гигантская машина для качественной кормежки населения, имеющая устойчивую тенденцию к совершенствованию и процветанию.

А теперь чисто умозрительно разделите жизненную сферу всей этой махины на две равновеликие доли – законную и криминальную. Такое деление имеет место вовсе не потому, что Дон и его ближайшее окружение – конченные негодяи. Оно закономерно вытекает из нашего через зад сформированного общественно-государственного уклада – не буду детализировать, сами все прекрасно знаете.

Так вот, представьте, что вся эта полукриминальная махина опирается на два мощных столба – Дона и Ник-Ника. И в один прекрасный день столб, который поддерживал криминальную половину, стремительно рушится! Половина эта зависает в воздухе. Если не принять экстренных мер и в срочном порядке не соорудить новый столб, вся конструкция в самом ближайшем времени грохнется на землю и разлетится на кусочки...

Вот вам первый аспект восприятия Доном факта внезапной кончины своего вице-Аврал, сумятица, адский труд и нервотрепка – к черту налаженная размеренная жизнь, полная попойкой неги.

Далее. Гнилов был моложе Дона на десять лет. Представьте: крепкий и здоровый вице-президент пятидесяти лет, ничем не уступающий в интеллектуальном плане своему шестидесятилетнему, начинающему заметно дряхлеть шефу. Кое-кому это может показаться несущесственным, однако... Нет, Дон, разумеется, голова! Глыба и матерый человецище – поднять такую махину из ничего! Это надо быть во всех аспектах неординарной личностью. Таких по всей России едва ли с десятков наберется. Но если Гнилов в пятьдесят лет уже всю пахал вице-президентом мощного образования всероссийского масштаба, то Дон... Кем он там был в свои пятьдесят? Да-да – именно! Вчерашним преподавателем истории, владельцем кирпичного заводика в пригороде Новотопчинска, на котором вкалывали день и ночь аж трое

рабочих! Улавливаете разницу? Ник-Ник, возможно, сам того не желая, обогнал своего шефа на целых десять лет в стремительном беге по лестнице благополучия. А еще Дон проявил некоторую недальновидность, пустив ситуацию в сфере распределения усилий на самотек. За последние два года Ник-Ник, обладавший чудовищной жизнеспособностью и пробивной активностью, значительно расширил круг своих полномочий и даже самовольно узурпировал некоторые руководящие функции, в большей степени приличествующие самому президенту фирмы. Иными словами, аккуратно потеснил шефа. Полагаю, что, если бы дело так пошло и далее, годика этак через два-три вполне мог возникнуть вопрос: кому целесообразнее быть президентом фирмы?

В последнее время эта проблемка, внешне вроде бы совершенно незначительная, тяжким бременем давила на Дона и отравляла ему жизнь. Отыграть назад уже не представлялось возможным: Ник-Ник занимал в фирме слишком серьезное положение...

Вот вам второй аспект восприятия Доном факта внезапной кончины своего вице. Таким образом, понеся утрату, мой патрон заполучил кучу срочной работы, от которой он уже успел отвыкнуть. Он попал в пиковую ситуацию, требовавшую напрячь мускулы в титаническом усилии и в полной мере проявить бойцовский задор. Вместе с тем как бы самопроизвольно и безболезненно разрешалась проблема с сильным соперником, который, как выражаются спортсмены, на последнем участке дистанции активно работал конечностями и жарко дышал в затылок. Колесо судьбы, управляемое рукой ПРОФСОЮЗА, внезапно повернулось, одним движением сбросив этого соперника под откос. Дон остался на лыжне один...

Поминали в головном офисе. В конференц-зале, где еще не выветрился устойчивый аромат хвойной эссенции, были роскошно сервированы столы персон этак на триста.

Гости уже расселись, а обслуга нашего кафе все продолжала ударно выдавать на-гора (из подвала в конференц-зал) провизию и напитки, несмотря на то что столы уже и так ломились от разнокалиберных бутылок и разнообразной закуси.

Сопоставив наличие присутствующих с количеством едбы и выпива, я пришел к выводу, что скромная поминальная трапеза грозит трансформироваться в разудалое гульбище с непредсказуемыми последствиями: пьяными разборками на лестничных переходах, хоровым исполнением народных песен и активным ерзаньем потных голых женских поп по полированным крышкам рабочих столов в кабинетах. У нас ведь мастаки талантливо извращать все, что угодно, даже самое святое. Тем более обстоятельства вполне благорасполагают. На улице царит августовский зной, а в конференц-зале – ровное журчание кондишн и приятный полумрак. Можно сидеть до ночи, на халяву глушить классное выпиво и трескать хорошую закуску. А потом, накушавшись, почему бы не спеть что-нибудь под грустиночку или втихаря не засадить под лестницей первой попавшейся деловой партнерше? Сам бог велел!

Озаботившись этим обстоятельством, я после третьей рюмки подошел к Дону, который с равными ему рангом шишками расположился в парадном углу. Оторвав патрона от скорбной беседы, я на ушко сообщил ему, что есть реальная перспектива перерастания поминок в безобразную попойку со всеми вытекающими.

К моему изумлению, шеф весьма отвратно отреагировал на столь своевременное предупреждение. Театрально закатив глаза, он громко заявил:

– Ну и пусть себе, малыш! Николаша любил веселье и дебош! Пусть гуляют!

Я укоризненно покачал головой и собирался было возразить, но Дону, видимо, вдруг пришла в голову идея получше. Вскочив с места, он позвонил вилкой по графину, требуя тишины, и выкрикнул фальшивым голосом – слезливо и с надрывом:

– Ребята! Девчата! Коля здесь, с нами! Он любил жизнь во всех ее проявлениях! Он... Он радовался ей и другим тоже дарил радость! Так поминайте же его от души! Напейтесь вдрабадан, перебейте посуду, передеритесь! Эх!

Выкрикнув столь не соответствующий обстановке спич, Дон повалился на стол и пьяно зарыдал, лупя кулаком по тарелкам. Шишки, сидевшие рядом, принялись его гладить и успокаивать. Возникла некоторая паника.

Я удивленно пожал плечами и направился на свое место. Вот так здравствуйте! И когда только успел надраться? Вроде бы всего три рюмашки подняли. Может, до этого на грудь втихаря принял? А впрочем, бог с ним. Желает лицедействовать перед обществом – так пусть себе. Одним маразматическим припадком больше, одним меньше – никому хуже от этого не станет. Надо только сказать начальнику СБ, чтобы его ребята ближе к финишу присмотрели за гостями.

Между тем присутствующие восприняли куражливые выкрикивания шефа буквально. Шум резко усилился – загомонили-загалдели, принялись стремительно подымать бокалы, метать за обе щеки, кто-то крикнул официантам, чтобы спустились в подвал да передали поварам – готовить горячее.

Усевшись рядом с Оксаной, я для проформы употребил рюмашку и принялся склонять ее покинуть это шумное сборище, пока не началось. Дескать, у меня дома тоже кондиционер присутствует, а к нему в комплекте недурственное выпиво и закусь от винта! И в отличие от здесь у меня дома очень тихо и уютно. А еще имеется здоровенная кровать, которая совсем не скрипит. И кресло не скрипит. Вообще ничего не скрипит! Впрочем, она прекрасно об этом знает.

– Знаю, знаю, – загадочным голосом ответила моя пассия – у меня аж давление подскочило от предвкушения удачи! – Но сегодня же траур. Как ты можешь, пошляк!

– А мы наденем черное и будем делать все торжественно и печально, – игриво пообещал я и, склонившись к ее уху, жарко зашептал: – Я тебе засажу так, что у тебя позвоночник в трусики высыплется. Ух, как я тебе вдую! Я тебя брошу на стол и с разбегу ворвусь в тебя сзади. Ух, как я ворвусь! У-у-у-уо! Ты будешь кричать от неожиданности. Обязательно будешь! Потом я перетащу тебя на подоконник, ноги заброшу на свои потные плечи и вдую тебе так, что ты завизжишь! И с каждым толчком твоя спина будет больше стучаться об ручку оконной рамы, и от этого ты будешь выгибать спину, дергаясь мне навстречу – и это будет просто потрясающе! Ух, как это будет! Ммммм... Потом я перекину тебя через спинку кресла и всей массой навалюсь сзади, потом... потом... – Тут я вдруг представил себе все это с ошеломляющей четкостью, и перед глазами возникла горячая красная пелена, дымчато клубящаяся диковинными рисунками в форме обольстительных женских ягодичек – впору хватать Оксанку и стремглав тащить в свой кабинет, а то черт его знает что получится!

– О-о-о, юноша! – насмешливо воскликнула Оксана. – Да у вас натуральный спермотоксикоз! Лечиться надо.

– Ну так и полечи меня! – пробормотал я, хватая под столом ее коленку и чувствуя, что мой стойкий солдат вот-вот порвет штаны и начнет действовать самопроизвольно. – Пойдем ко мне в кабинет, а? Ну, буквально на пять минут!

– Я тебе не «Скорая помощь», – спокойно ответила Оксана. – Ты про зачет забыл?

– Какой зачет?! – в отчаянии воскликнул я, не соображая, о чем речь. – Ну что тебе стоит, а? Ну на пару минут... Пойдем?

– Зачет по пользованию контрацептивами, – отчеканила ледяным голосом Оксана и отодвинулась подальше, стряхнув с колен мою руку. – Я тебе русским языком сказала: пока зачет не сдашь, на километр не подпущу. Что, память отшибло?!

Я оторопело уставился на свою подружку. Нет, она не шутила. Холодная надменность в глазах, гордо вскинут подбородок – ни малейшего намека на благоприятный исход. Эх, черт!

Мне стало себя жалко. Доколе?! Доколе эта мегера будет тиранить меня, втапывая в грязь мое самолюбие и всячески попирая могучее не востребованное либидо? Она что –

получает наслаждение, развлекаясь подобным образом? Или это особая форма поддержания у партнера повышенного тонуса – чтобы каждый раз как в первый раз?

– Оксанка! Солнышко мое! – горестно прошептал я. – Ну что ж ты со мной делаешь? Я и так неделю воздерживался! Мне что – пойти «Плейбой» купить? Разве так можно? Так ведь и инвалидом недолго стать!

– От этого еще никто не умирал, – насмешливо проговорила Оксана и широким жестом обвела вокруг. – Вон сколько вагин вокруг! Бери любую и тащи к себе в кабинет – никто слова против не скажет. Только рады будут...

– Да как ты можешь! – воскликнул я. – Мне, кроме тебя, никто не нужен – ты же знаешь!

Оксана хотела что-то ответить, но в этот момент ее позвал Дон. Старому маразматiku очень нехотало понадобился очередной экстренный сеанс психотерапии. Видимо, из окружающих его шишек никто уже не тянул на роль жилетки, в которую можно смачно рыдать, изображая искреннюю скорбь.

Прихватив свой стул, Оксана направилась к шефу, напоследок посоветовав мне:

– Кстати – если уж так печешься о престиже фирмы, можешь предотвратить конфуз. Там губернаторша пописать пошла – проследил бы!

– Не понял! – оскорбленно вскинулся я. – Ты что – меня за сортирного привратника держишь?! Да ты...

– Да при чем здесь привратник! – досадливо нахмурилась Оксана. – Просто за ней увязались двое наших парней. Я ее достаточно хорошо знаю – у нее зрачки в форме гениталий.

– Чего зрачки? – не понял я. – В форме чего?

– Ничего! – сердито бросила Оксана, удаляясь и глядя на меня через плечо. – Вот отдрючат они ее у парадного входа, будете потом скандал год заминать!

Я отыскал взглядом супругу губернатора. Она действительно приближалась к выходу из зала, слегка покачиваясь и хватаясь за предметы интерьера.

Оксана была права. Двое наших сотрудников, замаслев глазенками, лавировали меж столов, торопливо пробираясь к выходу. Они завороженно смотрели вслед подвыпившей красотке, аппетитная попа которой зазывно подрагивала при каждом ее шаге под полупрозрачной кружевной юбкой траурного колера.

Досадливо крикнув, я устремился вслед намечавшейся групповухе. Вот еще не было печали! Интересно, эти политики-маразматiki и прочие престарелые деятели – они каким местом думают, когда берут в жены юных ного-грудых красавиц с трижды завышенной нормой сексапильности?! Можно подумать, что им любовниц и проституток вне лона семьи не хватает! Вроде бы и умные люди, а как разменяют полтинник, так и начинают всякую дрянь в дом тащить. Вот и Гнилов тоже – бросил свою первую, что нога в ногу шла с ним по жизни двадцать пять лет, и женился на юной стервозе, которая даже не пожелала после смерти забрать его в дом... Впрочем, стоп! О покойных либо хорошо, либо никак. А вот губернатор... Губернатору можно посочувствовать. Новая супружница его вот уже год – притча во языцех. Нет, за руку не ловили и не подсвечивал никто, скандальных объявлений в газетах не было. Но злые языки поговаривают – и, надо полагать, небезосновательно, – что первая леди области частенько ударяется в разухабистые загулы с первыми попавшимися молодыми пригожими мужиками и куролесит так, что волосы дыбом встают – и не только на голове. А ревнивый губернатор будто бы периодически лупит ее за это смертным боем, после чего она по две недели на люди появиться не может из-за синяков. Так что, как и предостерегала Оксана, перспектива скандала была вполне реальной.

Вывернувшись наконец из зала, я настиг наших парней, чуть ли не вприпрыжку припустивших к женской уборной, и в двух словах объяснил им, что они в корне не правы.

Парни сконфузились и убрались восвояси, а я остался. Решил проследить, чтобы губернаторша без приключений вернулась в зал. Мало ли чего? Не хватало еще, чтобы губернатор

под пьяную руку придушил в нашем офисе свою неуправляемую секс-бомбу! Посмотрев по сторонам, я убедился в отсутствии распаленных похотью особей мужеска пола в непосредственной близости от уборной и направился к приемной. Распахнул обе дверные створки и встал возле своего кабинета, делая вид, что вожусь с замком. Согласитесь – вытарчивая у дверей дамской уборной, я бы имел весьма странный вид. Любой, кто вышел бы из дверей конференц-зала, запросто мог заподозрить меня в каком-то изврате. У нас же поголовная бдительность. Завтра бы уже вся фирма шушукалась, что я какой-то не такой. А так все было вполне пристойно – и контроль за ситуацией сохранен, и я тут вроде бы при деле.

Минуты через три из дверей дамской уборной выплыла слегка приبلудневшая губернаторша. Двигаясь довольно твердой походкой, она направилась было к конференц-залу, но очень некстати заметила меня и резко притормозила. При этом юную деву здорово мотануло в сторону, и она с трудом сумела сохранить дифферент, привалившись к стене. Выворачивая корпус, губернаторша подцокала по паркету к приемной, вцепилась в ручку одной из дверных створок и обрадованно воскликнула:

– А-ха! Наш офицерик тут скучает? О-хо!

Я наморщил лоб, пытаюсь припомнить, когда это меня угораздило быть представленным этой стервозе и при каких трагических обстоятельствах произошло сие печальное событие. Увы, память решительно ничего не подсказывала. Нет, ничего общего мы с ней не пережили – в этом я был уверен на сто процентов. Скорее всего, называя меня офицериком, дамочка пользуется информацией из разряда сплетен и слухов. Весь деловой мир Новотопчинска знает, что личный секретарь Дона – не гарвардский выпускник, а бывший вэвэшный спецназовец.

– Я давненько уже не «офицерик» – как вы изволите выражаться, сударыня, – сурово отчеканил я, прекратив имитировать возню с замком. – И совсем не скучаю. У меня тут дело.

– И у меня дело, – томно пробубнила губернаторша, отрываясь от дверей приемной и на цыпочках, по кривой, приближаясь ко мне. – У меня тут самое важное в жизни дело!

Подобравшись поближе, девица мертвой хваткой вцепилась в мою руку, повисла и капризно проблеяла:

– Спа-а-а-ать! Девочка хочет спать с офицером! Спа-а-а-ать!

– Да вы что! Да я! Да вы... – Я рванул назад, почувствовав, как горячая волна шарахнула в голову и перехватила дыхание. Девица не отцеплялась. Ее влажный рот приближался ко мне, являя два ряда кипенно-белых зубов, разомкнутых в хищной улыбке молодой волчицы.

– В зал! – всхлипнул я, затравленно озираясь по сторонам. – Вам надо немедленно идти в зал! А то...

– А что «а то»? – удивленно округлила глаза губернаторша и одновременно с пьяным любопытством обозрела интерьер моего кабинета.

– А то муж ваш увидит и будет скандал! – выпалил я и отчаянно взмолился: – Да уходите же! А то я вам такое устрою!

– А тут у тебя уютно. – Губернаторша вдруг сделала серьезное лицо и категорично заявила: – Если мы сейчас не запремся здесь, я заору на весь офис, что ты меня хочешь изнасиловать. Вот тогда точно скандал будет!

Тут дамочка закатила глаза, разинула рот и набрала полную грудь воздуха, собираясь заорать. Отступать было некуда. Когда дело доходит до решительных телодвижений, я отбрасываю колебания в сторону и работаю быстро и четко, сообразно с ситуацией. Зажав рукой рот дамочке, я схватил ее в охапку, затащил в кабинет и захлопнул дверь. А потом... Нет, не хочется оправдываться, но поверьте: не виноватый я!!! Она сама! В процессе затаскивания губернаторши в кабинет я достаточно крепко прижал ее к себе и успел почувствовать, что в моих руках трепыхается натуральная секс-бомба, со всякими разными ухищрениями и без

всяких скидок на обстановку. Я успел ощутить каждый изгиб ее горячего молодого тела, пышущего всепоглощающим желанием, и моментально воспламенился ответным бешеным огнем страсти.

Губернаторша была чудо как хороша! Кружевная траурная юбочка и такая же блузка на бретельках лишь подчеркивали всю прелесть ее потрясающей фигуры, которая своим видом могла подвигнуть на изнасилование даже коматозного больного. А я – не больной. Я молодой здоровый мужик с избытком половых гормонов по причине недельного воздержания и пятнадцатиминутной давности отказа секс-партнерши от исполнения своих обязанностей. А еще запах. Выйдя из прохладного конференц-зала в душный коридор, губернаторша вспотела. Так вот, запах ее пота был одуряюще сладок – так пахнет парное молоко, оставленное на свежескошенном стогу! Не виноватый я!

– Иди к мамочке, мамочка офицеру сисю даст, – внезапно охрипшим голосом прошептала губернаторша и вдруг рванула левую бретельку, обнажая идеально круглую, тяжелую грудь с торчащим вверх розовым соском.

– Ну, держись, мамочка! – прорычал я. – Щас папочка тебя сделает!

Схватив ее за талию, я рывком водрузил аппетитную попу на полированную крышку своего рабочего стола и одним движением аннулировал черные шелковые трусики, превратив их во влажную тряпку. Затем я так же, рывком, стащил с себя брюки, рывком раздвинул атласные коленки губернаторши и, предупредив, что пощады не будет, с разбегу ворвался в ее обжигающие тесные недра...

Глава 6

Сначала я принял его за одного из «быков» вокзальной бригады Центральной группировки. На свое фото девятилетней давности этот парниша был похож примерно так же, как Шварц на Дэвито в фильме «Близнецы». Но возле вагона № 11 скорого поезда Воронеж – Новотопчинск, кроме этого типа, больше никого не осталось. Все прибывшие и встречающие расплзлись по переходам, и только он сидел на дегенеративном фибровом чемоданчике, смотрел в одну точку и лениво курил, пуская кольца.

Значит, это он. Стас Васильев. Меньшой братишка моей больной женщины, откинувшийся три дня назад из ИТК № 3 города Воронежа. Озабоченно почесав затылок, я еще раз глянул на снимок, крикнул и потопал к типу, сидевшему на чемодане у вагона № 11. Худенький мальчик с фото смотрел на меня затравленным взглядом голодного щенка. Шейка у него была тонюсенькая, что ваш карандаш – можно перешибить одним щелчком. Чтобы перешибить шейку типа, сидевшего у вагона, нужна была как минимум кувалда. Если бы я не знал, чем люди занимаются на зонах, то решил бы, что парень с утра до вечера лопал высококалорийную пищу с повышенным содержанием протеина и аминокислот, таскал железо по системе Дориана Йетса, а в перерывах ударно загорал. Ай-я-яй, что делает с нами время! Милка, будь она в здравом уме, наверняка также не узнала бы братика.

– Э-э-э-э... Стас Васильев? – неуверенно поинтересовался я, подойдя поближе. Тип ничего не ответил. Он встал, выбросил окурочку и мрачно уставился на меня тяжелым немигающим взглядом.

Да уж... Вблизи он мне не понравился еще больше, чем издали. Натуральный «бык»! Бритый затылок, «вестпойнтская» сантиметровая щетина на макушке, квадратная челюсть, здоровенные, каменные плечи, здоровенные же ручки, грудь колесом, тяжелый взгляд... А еще прикинут так же, как наши городские «быки»: широченные вельветы под «от Диора», шелковая разноцветная тенниска и мокасины. Разве что чемоданчик сиротский портил впечатление да цепь золотая толщиной в палец отсутствовала. На зоне, как известно, цепи не выдают.

– Так Стас или нет? – с сомнением уточнил я, вновь глянув на снимок.

– Ну Стас, – хрипло ответил тип и вдруг, выдернув у меня из пальцев фото, отступил на шаг. И с полминуты внимательно рассматривал его. Затем он вернул мне снимок, скорбно вздохнул и недоброжелательно поинтересовался: – Тебя что, этот... Бакланов послал?

Тут я здорово смутился и замялся, не найдя, что ответить в первую минуту. Были, знаете ли, на то причины. Чтобы вам было все ясно, я позволю себе коротенький экскурс в прошлое – пока обдумываю, что ответить непохожему на себя Стасу, который, имея от роду всего 22 года, выглядит старше меня.

Моя Милка не всегда была секретаршей в фирме Дона. Когда-то давно ее папенька – кстати, кореш Дона – был бандитом. Выражаясь старыми понятиями, занимался рэкетом – у самых истоков стоял. В один прекрасный день он схлопотал пулю в голову на разборке и благополучно отдал концы, оставив молодую вдову с двумя детишками на руках.

Милке в ту пору было пятнадцать, а ее брату – восемь лет. Молодая вдова моментально пошла по рукам и сделалась алкоголичкой, за полтора года из красавицы-девицы превратившись в развалину, и вскоре уже никто из особей мужеска пола, даже после ударной дозы спиртного, не мог рассмотреть в ней женщину.

Семья жила впроголодь. Чтобы прокормить больную мамашку и младшего брата, Милка пошла на панель. Она освоила это дело в совершенстве и добросовестно вкалывала на поприще продажной любви до тех пор, пока ее не отловил Дон. Как-то он был по делам в Баку и там, в одном из притонов, с удивлением узнал дочь своего старого приятеля, которая

к тому моменту уже намертво села на иглу. Целый год ушел на то, чтобы вылечить Милку от пристрастия к «ширеву» и обучить хорошим манерам. Затем она работала секретаршей в головном офисе – пока не закружилась со мной. Как Милку из родного Воронежа занесло в Баку – это отдельная история, но за неимением времени мы ее пока опустим. Суть не в этом. Обратите внимание на роль Дона, которую он отвел себе в наших судьбах. Сына своей давешней беззаветной любви – вашего покорного слугу – он вытащил из запоя и взял под свое мощное крыло. Дочь своего кореша снял с иглы – и тоже под крылышко. Ах ты, херувим наш богодаденный да бескорыстный!

Однако вернемся к Милкиному братишке. Представьте себе обстановку в семье, и вам станет понятно, почему так все получилось. Папаша – бандит, мамаша – алкоголичка, старшая сестренка – проститутка. Да плюс к тому обостренный юношеским максимализмом постоянный комплекс вины за то, что сестра своим телом зарабатывает ему на жизнь. Сами понимаете, мальчишка рос зверьком, предоставленный сам себе и воспитываемый улицей.

Однажды к ним домой приперлись сразу два Милкиных клиента – время перепутали. Дядечки были здоровенькие и вполне благоразумные – драться за право преимущественного обладания юной Милкиной плотью они целесообразным не сочли. Наоборот, они вполне миролюбиво пришли к консенсусу и решили, чтобы даром времени не терять, отпользовать Милку хором, с обеих сторон.

Милка такому ухищрению воспротивилась в категоричной форме и пыталась выпроводить дядечек на улицу. Однако распаленные обладатели буйной эрекции протест дамы проигнорировали, отлупцевали ее как следует и принялись тривиально насиловать в извращенной форме, предварительно связав и даже взнуздав неподатливый объект своего вождения.

В этот момент домой вернулся четырнадцатилетний Стас, увидел все это безобразие и решил заступиться за сестренку. А поскольку малец в ту пору был хлипок телесно, то здраво рассудил, что голыми руками с дядечками справиться будет весьма проблематично. Стас сходил на кухню, вооружился туристским топориком и... раскроил обоим любителям шумной групповухи черепа.

Принимая во внимание шаловливый возраст убийцы, суд определил ему меру пресечения в 8 лет с отбыванием четырех из них в ИТК – по достижении совершеннолетия. Заявление Милки о том, что брат защищал ее от насильников, суд во внимание не принял. Как же! Разве можно изнасиловать проститутку?! Да еще в 1989 году, когда вся страна успешно перестраивается и в знак доброй воли выводит войска из Афганистана!

Вот такая история... Зажив нормальной жизнью, Милка регулярно писала брату и часто слала ему передачи. На свидание ее ни разу не пустили, поскольку своенравный Стас весьма скверно вел себя и числился в стане сторонников ярой «отрицаловки».

Когда мы стали встречаться с Милкой, она в каждом письме рассказывала Стасу обо мне и делилась с ним своей радостью. Дескать, какое это счастье, что у нее теперь есть я – прекрасный принц. Добрый, отзывчивый, сильный и красивый – короче, венец человечьей добродетели и вообще душка. И на всякий случай дала ему мой телефон – мы собирались продать ее квартиру и жить вместе, в моем доме.

После того как с Милкой случилась беда, я ее брату не написал ни строчки. Я вообще никому не пишу письма – лень. И потом: как расскажешь о том, что произошло, в письме? О таком только после пятого стакана, да где-нибудь на природе, подальше от людей, чтобы можно было кричать в голос, с надрывом и болью. А еще меня частенько мучило чувство вины перед никогда не виденным мною братом Милки, потому что он, будучи хилым подростком, сумел защитить свою сестру от насилия. Не важно, каким способом и при каких обстоятельствах он это сделал. Он поступил как настоящий мужик, этот мальчуган с тоненькой шеей. А я, здоровенный кабан, машина уничтожения, этого сделать не сумел, я не смог

быть рядом, когда моя женщина нуждалась в моей защите! И пусть я их завалил всех четверых, но... это было слишком поздно...

И вот – позавчера он позвонил. Это было вечером, после 22.00. Я был изможден и совершенно разбит после похорон и бешеного галопа на губернаторше, под губернаторшей и вообще – где-то подле губернаторши, в черт-те какой немыслимой позе.

Кстати, зовут ее Ольга, ей 21 год, и она вытворяет в постели (за постелью, у постели, под постелью и т. д.) нечто такое, о чем я даже в самых изощренных эротических фантазиях додуматься не мог. А я далеко не дурак по части эротических фантазий – можете мне поверить. Надо полагать, что это гиперсексуальное животное с потрясающим экстерьером, дожив до Оксанкиного возраста, даст ей сто очков вперед по части оболванивания мужиков – и совсем без университетского образования. Если до той поры ее не удавит ревнивый муж за очередной половой дебош.

Сразу после буйного и стремительного оргазма в моем кабинете эта юная тигрица буквально утащила меня на квартиру к своей подружке и там во всех ракурсах реализовала свою необузданную сексуальную мощь, воспользовавшись моей крепкой статью в полном объеме.

Мероприятие настолько понравилось Ольге, что она торжественно пообещала в ближайшем будущем посвятить мне все свое свободное время. Польщенный столь трепетным чувством к моей скромной персоне, я все же счел нужным поинтересоваться, как много у нее этого свободного времени. И впал в легкую панику, услышав ответ. Оказалось, что, помимо сна и обязательного ежедневного шейпинга, который длился всего пятьдесят минут, все остальное время у нее считается свободным. Что-то около 12 часов в сутки! Нет, я не против здорового секса – боже упаси! Но всему ведь надо знать меру. За каких-то три часа эта секс-машина уработала меня настолько, что я чувствовал себя старой развалиной. А что будет дальше?

– Я не волшебница, я только учусь, – промурлыкала Ольга на прощание и многообещающе сверкнула глазами. – Это мы только осваивали друг друга. Вот подожди, я утащу тебя на целый день к нам на дачу, когда мой стервятник отчалит в столицу, – тогда ты ощутишь, что есть я! О-о-о-о! Это будет нечто – я тебе обещаю...

Так вот, когда я лежал вечером в спальне и мрачно размышлял над перспективами взаимоотношений со своим вновь обретенным секс-партнером, телефон вдруг ожил.

Звонивший был изрядно пьян и первую минуту что-то нечленораздельно бубнил под аккомпанемент разухабистого музона и каких-то веселых взвизгов. Видимо, имела место вдумчивая попойка по случаю торжества внепланового свойства – число на календаре было черным. Одну фразу, впрочем, я сумел хорошо разобрать: «Куда я попал?» Такие штуки у нас периодически случаются: кто-то неверно набирает номер и пытается дознаться, куда это он попал, вместо того чтобы вежливо поздороваться и поинтересоваться, тот ли номер он набрал. Я таких невоспитанных всегда наказываю – не опускаюсь до простого объяснения. В этот раз я тоже лениво зевнул и, как всегда в таких случаях, ответил:

– База торпедных катеров, шестой причал. Старший стрелок Эрнест Хемингуэй у аппарата. Кому звонишь?

– Во! – пьяно удивился абонент. – А кто это?

– В смысле – «кто»? – в свою очередь удивился я. – Кто Эрнест Хемингуэй?!

– Да на хер мне твой Хумингуэль! – возмутился абонент. – Ты кто?

– А-а-а-а, вон ты про что, – задумчиво протянул я. – Ну, изволь: Черный Джо с мясокомбината. Цех по убою молодняка, вторая дверь со двора. Там у меня быки ходят, юные, дурные, а я их кувалдометром...

– Это Стас Васильев из Воронежа, – оборвал меня абонент. – Я правильно попал?

У меня на секунду перехватило дыхание. Вот так номер! Сразу два противоречивых желания охватили меня: крикнуть что-то радостное типа: «А-а-а! Стас, какой сюрприз! Я

тебя так хочу видеть!» – или хлобыстнуть трубку на рычаги без всяких разговоров. Вместо этого я осторожно поинтересовался:

– Но... Но ты ведь, кажется, на зоне? Ты же...

– Я седня токо откинулся! – деловито пояснил Стас. – Вот тут, у кореша, отмечаюсь.

Ты Бакланов?

– Да, это я, – признался я. – Мне Милка о тебе столько рассказывала...

– Вэвэшник, да? – неприязненно поинтересовался Стас.

– Бывший! – поспешил успокоить я его. – Бывший, Милка что – не писала, кем я сейчас?

– Писала, писала, – торопливо пробормотал Стас. – Милка там?

– Да, она здесь, только...

– Позови! Че мы с тобой попусту базарим? Позови ее!

– Видишь ли, дело в том... В общем, она немного не в себе... Ну... Она не может с тобой разговаривать...

– Чего?! Че ты несешь, в натуре, лапоть! Чего это она со мной не может разговаривать? Западло ей, что ли?

– Она перенесла сильное потрясение... И она сейчас может разговаривать только со специалистом. Тут к ней постоянно приезжает одна дама – она психотерапевт...

– То есть как? Ты че несешь? Че за потрясение?

– Да болеет она – понятно? Бо-ле-ет! Температурит, бредит – короче, глюки у нее. Говорить не может. Но резко идет на поправку, – я решил упростить объяснение. – К твоему приезду как раз поправится. Ясно?

– Ну, ясно, – после недолгой паузы протянул Стас и настороженно поинтересовался:

– А ты ее не бросил, Бакланов?

– Ну что ты, Стасик! – возмутился я. – Как можно! Она со мной. Она всегда со мной! Она часть моей жизни! И потом – зови меня Бак. Меня так все зовут. Идет?

– Ха! – удивился Стас. – Бак! А отчего не «таз» или «ведро»? Тебе по фамилии положено погоняло Баклан. Гы-гы! Бак...

– Я сказал – Бак, – жестко отрезал я. – Ты к нам собираешься?

– Собираюсь, – подтвердил Стас. – Послезавтра буду в семь вечера, на воронежском. Одиннадцатый вагон. Меня бы встретить надо. А то я у вас не был, не в курсе...

– О чем разговор, Стас! – воскликнул я. – Конечно, встретим. Наш дом – твой дом. Все будет в полном ажуре. Считай, что у тебя здесь семья.

– Так че там с Милкой-то? – вновь начал Стас. – Чем хворает?

– Ну... короче, не телефонный разговор, братишка, – уклончиво произнес я. – Приезжай, узнаешь.

– Ну, бывай... Бак, – сказал Стас и положил трубку. Вот такое у нас получилось телефонное знакомство двое суток назад.

Итак, Милкин братишка спросил, не Бакланов ли меня послал. Моя маленькая женщина, по всей видимости, в своих письмах писала, что я большой начальник и чрезвычайно занятой тип. То есть самому мне встретить откинувшегося зэчару, хоть и ее братишку, вроде бы и недосуг.

– Гхм... кхм... Ну, это я. Я Бакланов, – несколько сконфуженно произнес я, словно был уличен в чем-то непристойном.

– Во-о-о! Так вот ты какой, пятнистый олень! – насмешливо воскликнул Стас и вдруг пошел вокруг меня мелкими шажками, склонив свой квадратный череп набок и как-то приклатненно ухмыляясь. – Да-а-а-а, крутой ты у нас, дядя...

Я смущенно потупился и шмыгнул носом, как нашкодивший первоклассник. Знакомство начиналось совсем не так, как хотелось бы. Во-первых, я не был готов к тому, что Стас

окажется вот таким вот. И не разработал заранее нужную линию поведения. Чего ее разрабатывать? Близкий человек едет, родственник, можно сказать. А надо было подготовиться, продумать, как себя поставить с первой минуты встречи. Во-вторых: надо вам признаться, что могучим и страшным с первого взгляда я совсем не кажусь. Рост у меня всего 174 см, а вес – 85 кг. Нет, когда я раздет, видно, что эти 85 – сплошь тренированные мышцы, а не требуха. Но встречать Милкиного братца я приперся в своем лучшем выходном костюме от Валентино и накрахмаленной сорочке. Годы, проведенные в солидной фирме, приучили для важных встреч иметь соответствующий прикид. Естественно, кабаном в своей упаковке я здоровенному Стасу не показался. Вот тут лопухнулся я. Надо было натянуть борцовскую майку и драные спортивные трико да еще напялить на нос рэперские очки и пару дней не бриться. Тогда скорее всего Стас воспринял бы меня совсем иначе. А сейчас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.